

Літературна Кіровоградщина

*Літературний альманах (2014-2016)
Кіровоградської обласної організації
Конгресу літераторів України*

Кропивницький
«Центрально-Українське видавництво»
2016

ББК 84(4УКР) 6я44
УДК 82

Л 64 **Літературна Кіровоградщина** [Текст] альманах/ Кірово-
вогр. обл. організація Конгресу літераторів України;/
[упоряд. А. П. Юрченко]. – Кропивницький: Цент-
рально-Українське видавництво, 2016. – 160 с.
Текст укр., рос. – 200 пр.
ISBN 978-966-130-104-6

Альманах виданий за кошти авторів

Альманах містить вірші й прозу авторів, які пишуть українською та російською мовами й об'єднані в обласній організації Конгресу літераторів України. Їхня різножанрова творчість віддзеркалює думки й почуття сучасної людини, любов до України та рідного краю.

Розділ сатири та гумору включає оповідання й вірші, яким властиві всі відтінки цього жанру — від м'яко іронічних до гостро викривальних.

Це шостий альманах Кіровоградської обласної організації Всеукраїнської творчої спілки «Конгрес літераторів України» (КОО ВТС КЛУ). Попередні альманахи були видані в 2009, 2010, 2011, 2012 та 2013 роках.

*Новинка цього альманаху – розділ «Драматургія».
Для широкого кола читачів.*

ISBN 978-966-130-104-6

© Кіровоградська обласна організація Всеукраїнської творчої
спілки «Конгрес літераторів України» та автори, 2016
© «Центрально-Українське видавництво», 2016

ЛІТЕРАТУРНИЙ АЛЬМАНАХ

Поезія

Анатолій КРИМСЬКИЙ

Ось так – хмаринкою легкою...

Елегія

Ось так — хмаринкою легкою —
Над білим світом пропливу.
Махну здаля тобі рукою,
Впаду дощем в гірку траву.

Дихне вітрець — не згадуї лихом,
Зітхне верба: літа — літа...
Моє «прощай» озветься тихо
Цілунок на твоїх устах.

А на душі так легко й чисто,
Як в синім небі повесні.
Лиш десь заплаче особисто
Моя гітара — по мені.

В очеретах десь хлюпне риба,
Щось залепече верболіз,
І місяця прозора скиба
Повільно спуститься за ліс,

І в тихім мороці край неба
З землею зілеться тоді,
І знову я прийду до тебе
У сни пахучі й молоді.

1982 р.

* * *

Ще тихо і тепло. І вітер ущух.
І айстри край шляху цвітуть голубі.
Кохана, ти плачеш?
Чи крапля дощу
Зненацька на вію упала тобі?

1989 р.

Осіння гіркота

Листопад. Поскрипують берези
Монотонно, вітру в унісон.
О, стареча навісна тверезість,
О, зимовий ненависний сон!
Черешневе гілля і весілля
Відбуяли у весняний шал,
А отруйне зілля на похмілля
Злий чаклун у келих підмішав.
Пий до дна! І горем — об долівку!
Сохнуть спрагли душі та уста.
Хтось гукає? Хтось шепоче: «Гірко»...
Гіркота... Осіння гіркота.

* * *

Все бувале позабуте,
Світ порідшав і змінився.
Ти вже замужем за лютим,
Я у січні зупинився.
Мерзлий глід тремтить на вітті, —
Відгоріло, відзоріло...
Ех, дожить би ще до квітня,
Може б, сонечко зігріло.

Пісня сивого вечора

Не перемрію — переболію,
 Не заридаю — перестраждаю.
 Тихо лягає втома на плечі,
 Ти — юний ранок,
 Я — сивий вечір.

Снів не наврочу, бо не захочу
 Мрію сполохать давню дівочу.
 Сонце багряне зблідне сьогодні:
 Літ поміж нами

Темна безодня.

Хусткою витри сльози на вітрі,
 Хай я для тебе — море і небо, —
 Стрінешся з другим, стану вам лугом,
 Листям тополі,

Стежкою в полі.

Щастя наврочу, долі наврочу...
 Світе, помилуй душу дівочу!
 Переклади всі болі на плечі
 З юного ранку
 На сивий вечір.

1990 р.

* * *

Був вечір, вигаданий мною,
 Тремтіли пальці, свічка, плаття...
 І ти світилася від щастя
 Й лунала чистою струною.
 Був вечір, вигаданий мною,
 Зустрілись губи і згоріли,
 А ніч мовчала за стіною,
 Допоки в вікнах засіріло.
 Був вечір, лагідний і мрійний,

Освята для душі і тіла,
Аж доки ти в моїх обіймах
Його ім'я прошепотіла.
Був вечір, вигаданий мною.

Не здаюся відчаю

Не здаюся відчаю,
Не сутую плечі,
А в душі ще вітряно,
А навколо — вечір.
Над літами-хмарами
Спогади припнуті,
Синьookі марення
Не дають заснути.
Молодими римами
Хочеться — у весни.
...
Сумно хвіртка рипає,
Низько гнуться верби.

Етюд

По роботі терпнуть плечі
Від втоми.
Річка. Човен. В човні двоє,
Я — на веслах,
Звисли верби над водою —
Не шелеснуть.
Тільки серце ледь не вирветься
Шалене, —
Дві зорі з-під хустки дивляться
На мене.

* * *

Пролетіли дикі гуси, пролетіли
 Так раптово, що аж в грудях защеміло.
 Так раптово промайнули і розтали
 Понад лісом, понад полем, понад ставом...
 Пролетіли дикі гуси понад літом,
 Понад морем-океаном, понад світом
 Ще й крильми нам помахали, як руками,
 Понад нашими минулими роками.
 Ще й таке нам щось гортанне проспівали,
 Ніби нас з тобою в гості зазивали
 На далеке, на забуте, але рідне.
 А можливо — на весілля наше срібне?

Напередодні

Листопадове. Осінь на сконі.
 І від холоду листя трясеться.
 Ти не сип мені снігу на скроні,
 Ти не вий мені холодом в серце.
 Не жалій. Я не прагну обману,
 Вже видніється хрест на обочі,
 То ж не сип мені солі на рану,
 Не спускайся туманом на очі.
 Проявись, як колись, на початку,
 Коли дні були тихі і гожі,
 Отаким сірооким дівчатком,
 На цибатого соняха схожим.
 Пережиті і війни, і стреси,
 Сміх і сльози у ночі та днини.
 Ген — родилась зима в піднебесі,
 Віє снігом на наші стежини.

Руку дай і ходімо до краю.
Це зима. Що поробиш із нею?..
Ще йдемо. А допоки — не знаю,
Попрощаємось там... над землею.

Молитва

Привітай, Господи, з Днем народження
Україну, неньку нашу, від всіх поколінь,
Хай умиється росами і дощами розкосими,
Змолодіє віднині і завше,
І ввіки-віків,
Амінь.

І пшеничного розсипу, і далекого космосу,
І дітей і онуків рій, і дітей і онуків рій
Побажай ти їй, Господи,
Дай воістину, Господи,
І віднині і завше, і віднині і завше,
І ввіки-віків,
Амінь.

Якщо ворог непрошений або свій, доморощений,
Схоче зрадних творінь —
Хай помре він непрощений,
Покарай його, Господи,
І віднині і завше, і віднині і завше,
І ввіки-віків,
Амінь.

Николай ИЛЬИН

Вернуть бы прошлого хоть миг

«Летучий голландец»

Мне снится глухими ночами,
Как в море, одетом в глянец,
Под мёртвыми парусами
Проходит «Летучий голландец».

Поэтам все беды зачтутся,
И в небе — как крапинки в сланце —
Их души, как звёзды, зажгутся
И станут «Летучим голландцем».

И будет лететь он, как призрак из бурь,
Сквозь души поэтов и мысли,
Сквозь ветры и бури — туда, где лазурь
Сияет у южного мыса.

Какими дорогами море
Беду со стихами свело?
И чёрное-чёрное горе
На белых страницах легло...

Я бабник, босяк, голодранец,
Но только глаза подниму —
Увижу: «Летучий голландец»
Идёт сквозь кромешную тьму...

И будет лететь он, как призрак из бурь,
Сквозь души поэтов и мысли,

Сквозь ветры и бури — туда, где лазурь
Сияет у южного мыса.

* * *

...Уйди, тоска, из новых книг:
На промежутки краткий
Вернуть бы прошлого хоть миг
Из старенькой тетрадки!..

* * *

Рождался день из городского шума.
Текло к ногам гранитного вождя
Хмельное утро... Луч скользнул угрюмо,
Ломаясь в призме раннего дождя...

...

Но дождь прошёл, запахло пылью лета,
И заиграло солнце на лице.
Сошли с небес полотнища рассвета —
И засияли лужи на крыльце.

Блатное

Солнце низкое садится,
В край земли впилося,
И лучом, как острой спицей,
Бьёт меня насквозь.

Скину я с себя рубашку,
Встану на припёк,
Пусть согреет, как букашку,
С головы до ног.

Вновь я в этом зоопарке
На краю земли

Припухаю по запарке —
 Гады замели.

Напишу об этом пьесу —
 Обозначу ход:
 Сколько спилено мной лесу —
 В рот мне пароход!

Ветер бьёт конвойных с кручи,
 Хлещёт мокрый снег:
 Что ж, настал счастливый случай —
 Ухожу в побег!

Цыгане

В степи плескалось солнце юга,
 Дурманил голову апрель,
 И бушевала красок вьюга —
 Платков и юбок заметель.
 Кровей цыганских зной багряный,
 Напевный клёкот языка,
 Гурьбой кочующей цыгане
 Идут дорогами в закат.
 За горизонты солнце сдвинув,
 И в тайну снов открыв окно,
 И скатерть белую раскинув,
 Любви и страсти пьют вино.
 Их неразгаданная тайна,
 Им Богом данная печать —
 Всю жизнь прожить за самой гранью:
 Страдать, скитаться и молчать.
 Идут беспечною толпою,
 И ставят там и сям шатры,
 И вдаль, гонимые судьбою,
 Уходят в звёздные миры.
 Как неразгаданная тайна,

Как неисхоженность дорог,
Куда-то манит песнь цыгана
Под перестук катящих дроб.

Гроза в городе

Гроза над городом кипит,
Гремя помпезно,
И бьёт кувалдой в монолит
Колосс железный.
Всё запрудив, бурлит поток,
Пылает сумрак,
Ворчит сердито водосток
Во чреве суток.
И, заходя на новый круг,
Из тьмы и света
Волной накатывает звук
Напевом лета.

Утро

Природа дышит глубоко,
С утра в окно стучится осень.
Дымит парное молоко
Туманов, укрывая озимь.

Ложатся в рукопись слова
Холодным дымом.
И светлый праздник Покрова
Вещует зиму.

* * *

Спеши, моя рука, и плетью не обвисни,
Как всадник на коне, спеши за ходом мысли.
Скачи, скакун лихой, опережая время,
Но плох наездник тот, кто потеряет стремя!

Алла КОВАЛІШИНА

*З любові починається душа***Вересень**

Синьоокий вересень зітхає:
Холодно стояти на вітрах.
Спалахнувши над багряним краєм,
Жовті зорі падають на дах.
На алеях, де темніють туї,
Дзеркала калюж залишив дощ.
Осінь світ по-своєму фарбує,
І мені у душу впало щось:
Чи сльозинка, чи дощу краплина,
Чи тривога... та, що кличе в путь...
Десь у лузі жевріє калина
І комусь шепоче: «Не забудь».

* * *

Зайшло у хащі літечко і зникло,
Зоставило на травах теплий слід.
І стало на душі так сумно-прикро,
Немов осиротів цей білий світ.
Зухвалий вітер — осені посланець —
З дерев щокаті яблука збива,
А за плечима в нього жовтий ранець,
В який до часу він сховав дива.

* * *

Шлях до себе — довжиною у життя.
Крізь гріховності і зла чагарники

Ми приходимо колись до каяття
І востаємо любов'ю у віки.
Бо з любові починається душа,
Колискова тиха пісня над малям,
Рідна мова і стежина в споришах,
Батьківщина і Господній Світлий Храм.

Мова — душа народу

Душа народу, щира, рідна мово!
В тобі краса української землі.
В тобі Тараса невмируще слово,
Ти промінь світла у холодній млі.
В тобі вогонь достиглої калини,
Дзвінкоголосе соло солов'я,
Осіннє небо, сумно-журавлине,
І Батьківщини сонячне ім'я.
Дзвени піснями й колосками жита,
Любов'ю сповною неповторний світ
І, мудрості віків рососою вмита,
Оберігай козацький славний рід!

* * *

Знов час нанизує печаль
На нитку срібно-дошову.
Тривожно журавлі кричать,
Розлук сплітаючи канву.
А вітер роздає квитки
На потяг з напрямком «Сльота».
Клубочиться туман їдкий.
...Минають: літо і літа...

* * *

Забудь про завтра і про вчора
Та будь щасливим тут і зараз.

У день високий ясночолоий
Зрони любові ніжну парость.
І не лукав перед собою,
Що занудив цим білим світом,
Бо переймався світ тобою
І гоїв душу ніжним цвітом.

Калиновий жар

Північний вітер студить біль калини,
Стриноженої пам'яттю віків.
З полів далеких біла хуртовина
Нагорне, нанесе палких снігів,
Що обів'ють красуню за коліна,
З червоних вуст співаючи печаль.
Впаде вогненно крапелька-жарина
Й підпалить вмить вразливу світодаль.

* * *

Ніхто у двері не постукає,
Ніхто не мовить навіть слово.
Хіба що вітерець погрюкає,
А потім тиша буде знову.
І ось тоді з небес ожинових
Впаде у погляд зірка ясна,
І душу від зневір шипшинових
Врятує рима... Дуже вчасно...

Мій світе

Зріднитися з землею, щоб травною
Крізь час і мармур тихо прорости.
Згадать доріг розгорнуті сувої,
Наважившись промовити: «Прости,
Мій світе, що несла до тебе болі

Пташиною на зраненім крилі.
Я так журилась, світе, за тобою,
Що зернами розсіялась у млі.
Бо ще не надивилася на зорі,
Не всі ще мною сказані слова.
Я пам'ятаю сльози щастя й горя,
Я пам'ятаю все, хоч я — трава.
Але душа моя, так само, світе,
Закохана у сонячну блакить.
Дозволь іще наговоритись з вітром
І — не розлюблене — життя це долубить»

* * *

Ніч розкололась на уламки снів —
Вже не зігріє їх похмурий ранок.
Нанизую намисто з ніжних слів —
Мов на вівтар, кладу на зимний ганок.
Хай трішки посвітлішає цей світ,
Щоб день новий не зранив спомин босий
Об леза душ, холодних, наче лід, —
Чи їх розтоплять слів гарячі роси?

* * *

Німіють звуки і сліпне тиша,
У темінь погляд ховають квіти.
А ніч-поетка сонети пише,
Слова мережить зірковим світлом,
Моє безсоння до мрії тулить,
І кличе душу кудись за хмари.
А спомин водить п'ятою вулиць,
Де шаленіли колись гітари...

* * *

Осінній вітер в пазуху заліз
 І гріється, неначе кошеня.
 А вечір котить небом синій віз
 І зорі розсипає навмання.
 Холодні роси напувають світ,
 Який ще марить сонячністю днів.
 Та ранок пригадає давній хіт:
 Прощальну пісню сивих журавлів.

* * *

Беру з долоні неба сонця скибку,
 З комори літа — стиглі полуниці.
 А спомин притулився вже до шибки —
 Я знаю, він вночі мені наснитись.
 Коли впаде на тихе плесо річки
 Від місячного сяйва срібна стежка,
 Згорятиме душі тремтлива свічка,
 Скидаючи вогонь на болю флешку.

Слово Тараса

Провісницьке слово Тараса
 Знов душу бентежить. Чому
 Знов болем душа обпеклася?
 І як же боліло йому?!
 Як гірко було сиротині
 В далекім чужиннім краю,
 Як мрію плекав лиш єдину
 Побачити землю свою.

...Неволі шляхи теренові
 Поета вели до межі.

Та біль вилити у слові —
Потреба і поклик душі.

Пам'яті Анатолія Кримського

*І знову я прийду до тебе...
Анатолій Кримський.*

От і все, кохана, залишаю
Березневий світ мій і тебе.
Проводжаю гомінливі зграї
Поглядом у небо голубе.
Не сумуй, не плач, моя кохана,
Ще прийду в твої пахучі сни
І зцілю твої сердечні рани
Розпашілим подихом весни.
Тільки ти пробач мені, кохана,
Що душі вже тісно на землі.
Сам на сам іду в світи незнані...
...Дві зорі з-під хустки... у імлі...

Дмитрий ТАНСКИЙ
Северный цикл

* * *

Ничего не обещаю
И в конце не ставлю точку.
Я от крика белых чаек
Часто просыпаюсь ночью.
Этот берег из тумана
Возникает в час тревожный.
Жжёт задетой давней раной
В суতোках подорожных,
Маяком, рассветной зорькой,
Зовом грустным теплохода,
Поцелуем жарким, горьким,
Что бесследно не проходит.

Передний край

Куда ни глянь — снега, одни снега!
Лишь ветер хлестко обнажает сопки.
Извилистые, к мрачным берегам
Звериные ползут, как змеи, тропки.
Край заполярный, твердь родной земли,
Где ценность жизни испытал впервые,
Где за туманом дымчатым вдали
Ведут разведку вахты буровые.
И сон не в сон. Не до застолья тут,
Пусть жаловаться нам и не пристало.
Как в затяжном прыжке застыла ртуть,
И превратились в крошево металлы!

Ищи сверхпрочность. Словом, привыкай!
Не вешай нос заранее, приятель.
Коль спирт в запрете, выручит нас чай...
Лишь бы окопы здесь не рыть солдатам!

Лето в Заполярье

На Яне солнце растопило льды...
Без отпуска я вспахиваю лето,
Перекурю у северной воды —
Под солнцем без заката и рассвета
Глотну дымок. Повременят дела.
Дам передых башке от смутных мыслей
И гляну в даль — там радуга легла
На плечи сопок дивным коромыслом.
Свободой душу наполнял простор,
Ширь открывалась, ведь слепым я не был:
Там небо озаряло синь озёр,
А мир озёр уйти стремился в небо.

В заброшенном зимовье

Бродяги в марте пробивались к «фарту» —
В края, где далеко не летний зной.
В охотничьем зимовье дулись в карты,
Хлестали спирт и тренькали струной.
Ещё мороз кусал лицо и руки,
Ещё братва тянулась к камельку,
Они со скуки прихватили суку,
Чтоб было с кем резвиться кобельку.
Породистые лайки нынче редки.
Красавица! Она ждала щенков.
Не брезговала подбирать объедки,
Обиду не копила от пинков.

Когда ж своё отпили, отчадили,
 Потопали, едва лишь рассвело.
 А суку с брюхом взять с собой забыли,
 А может, просто бросили её.
 Собака-мать, напряжась что есть силы,
 Сама нашла решение без затей:
 Матрац зубами с лежака стащила
 И на полу укутала детей.
 Доела все остатки концентратов,
 Щенята чуть тянули молоко...
 Случился человек, ругнулся матом —
 Забрал собак, хоть ехать далеко!
 Для «братьев меньших» выделил сгущёнку,
 А сам спокойно перешёл на чай.
 Он торопился, ночь текла вдогонку...
 Но здесь такое дело — выручай!..
 В суровых льдах наметились оттайки.
 Шофёрский зимник завершал свой круг...
 И в полудрёме понимала лайка,
 Что рядом Человек — надёжный друг.

Откровения разведчика недр

Мне покоя не нужно, покой расслабляет,
 От безделья и мысли пустые бывают.
 Пусть мой день хлопотливый, в течение века
 Лоб не раз расшибал, чтобы стать человеком.
 Пёр, как бык, на рожон, не в толпе за наградой,
 А пижона, считай, проучить было надо.
 Я потерь не считал, благ насчитывал меньше.
 Расточитель и мот — без доверия женщин.
 Даже ты возмущалась: во мне много детства.
 Удивлялась — как только смогла притерпеться?
 Применяла все меры: и нежность, и строгость,

Проклинаю до гроба бродяжки дороги.
Я пытался всё сгладить и скрасить наш вечер,
А с рассветом рюкзак обнимал мои плечи!..

В начале весны

Снег таял, таял — медленно и плавно.
Он выстудил до боли естество...
Впервые я задумался о главном —
О том, что не касалось никого.

За стаяй стая птицы прилетали,
Шли в направленье ближних островов.
Снег шёл, но над землёю сразу таял...
Кто на закланье посылал его?..

Заполярная осень

Холодком потянуло
С низовий озёрных болот...
Перебежчик-туман
Просочился на Янские косы.
Перелётною птицей,
Подстреленной влёт,
Оглушительно под ноги
Шлёпнулась осень!..
Померещилось мне?
Или август плаксивый
Навеял в глаза?
В блеске свежего дня
Заплясали горбатые тени?
Вряд ли ты пожелаешь
Вернуться сюда...
Но — а что впереди:
Буря, снег,
Неразумной судьбы повторенье?

Сохрани и помилуй!
 Сквозь нас протекают века.
 И слабеет душа.
 Слёз не надо,
 Но слёзы бегут откровенно.
 Потянулась горячей
 Ладонью рука...
 Нет, не просто рука —
 Генератор тепла,
 Наполняющий тёплой надеждою вены...
 Ты уедешь!
 Свинцовая в Яне вода.
 Злобно ветер
 Снежинок костёр раздувает.
 Запоздалыми птицами
 Молят о встрече года.
 И надежда — как боль...
 А без боли осенней
 Счастливых людей не бывает.

Август 1984 г. Усть-Куйга, Якутия

Откровенно

Что, друзья, сообщить вам нового?
 Заикнись лишь, а вы потом:
 Что ты в жизни сделал толкового?
 Издал книгу, построил дом?
 Эх ты, пугало! Деревенщина!
 Сколько прожил? За что платил?
 Может быть, осчастливил женщину?
 Вместе с нею детей растил?
 Приходилось терять с пожарами?
 По нелепости срок трубить?
 Мог ли в трудный час за товарища
 На алтарь себя положить?

Был ли в деле своём уверенным —
Так, чтоб насмерть? Хотя б на скандал?
Нахлебался воды у берега?
Замерзал или голодал?
Что же есть у тебя человеческого?
Профиль смутный. Химера. Дым!..
Рот раскрыл... Говорить-то нечего,
Если есть что сказать другим!

* * *

Я постоянно начинал с нуля,
А что имел — просаживал нещадно,
И если не хватало мне рубля...
Да хрен с рублём! Здоров и сыт — и ладно!
Земля щедра — и мне достанет сил
По ней протопать трезвыми ногами,
Я ел и пил, и денег не копил,
А посему не окружён врагами.
Хотя, случалось, гадам морды бил,
Когда они вползти пытались в люди...
И если я кому не угодил,
Тут, извиняюсь, мил для всех не будешь!

* * *

...Тоска когда-нибудь пройдёт,
Ручей во льдах прорежет русло,
И змея яркого в полёт
Весной мальчишки в небо пустят.
Я веру в счастье сберегу,
Способность миру удивляться.
За мальчиками побегу,
Хотя за ними не угнаться...

Валерій КОРНІЄЦЬ

*На зламі часу***Грудень**

Грудень, грудень —
Вітер в груди.
Змерзлими грудками
Бездоріжжя
Долю ріже
Довгими роками.
 Небо сіре.
 Вогко. Сиро.
 Хоч би снігу трохи.
 Розум, сили
 Посіріли
 В сірості епохи.
Стали зорі
Непрозорі —
Мерехтять лякливо.
Треба, брате,
Обирати
Чи мороз, чи зливу.
 Хто ж вам, друзі,
 Зір ваш звузив,
 Ліг більмом на очі?
 Чом вам, дужим,
 Ваші душі
 Крутують поторочі?
Не годиться
В серці криця,

А в душі байдужість.
Просинайтесь,
Піднімайтесь!
Де ж бо наша мужність?!

* * *

Навіщо дратувати ніч?
У темряви страшні прикмети.
І вечір, зрозуміла річ,
Мерщій сховався в очереті.
Отож сьогодні, як і вчора,
Танцює ніч танок свій чорний.

Чорна межа

Вбралися в роси
Стиглі покоси,
Ждуть косарів.
Треба до праці
Дружньо зібратись
Ще на зорі.

Трави схилились,
Смутком умились —
Хлопці не йдуть.
Степом ковильним
Вітер, як хвилі,
Гонить біду.

Кличе лелека,
Тільки далеко
Хлопці лежать:
Випила сили,
Вік їх скосила
Чорна межа.

* * *

Червоно-чорним
 явір пламеніє,
 Як вогнище живе
 палахкотить,
 Та цей вогонь
 нікого не зігріє,
 А душу
 може сумом
 обпекти.

Від осені до весни

(триптих)

1

Які ж ви сірі, дні осінні:
 Суцільні хмари дощ несуть,
 У полинах на павутинні
 Висить гіркий осінній сум.

Сумне моє життя старече,
 Дощ награв сумний мотив,
 В калюжах сірий кволий вечір
 Давно вже ноги промочив.

Як сльози, краплі на віконцях,
 Пожовкле листя мерехтить...
 Мені хоча б краплинку сонця
 У передзим'ї зберегти.

2

Від осені і до весни
 Тривожать думи навісні.
 Гілля у лип на голові
 Стриже безжальний сталевій.

Вже вздовж снарядної ріллі
Засіли круки, чорні й злі.
А з неба хижо, хай їм грець,
Свинцеві хмари ллють свинець.

І хати, вбиті безпричинно,
Сліпими дивляться очима...
Кривавий вечір, чорний ранок —
І попіл падає на ганок.

3

Весняний подих ледь відчутний
Приніс несміло вітерець.
В калюжі першій, каламутній,
Вже миє ноги горобець.

Хмаринка, наче спомин, тане,
Дарує небо синь ясну...
Я вийшов з хати на світанні,
Щоб не прогавити весну.

Хай забринять струмки веселі,
Зазеленіє рясно все —
І в мирні душі і оселі
Великдень радість принесе.

12.05.2016 р.

* * *

Полягли серпневі сполохи
Вздовж снарядної ріллі.
Похилили сумно соняхи
Вщент посічені брилі.

Син не вернеться до матері.
Сонце вкрила чорна лють.

День і ніч громи гарматові
Металеву зливу ллють.

І гіркими плаче росами
Кожен кущик полину...
Боже, ми щедрот не просимо,
Тільки зупини війну.

Осінній сум

Рими осені

Перший лист пожовклий
вітер носить,
І теплу радіють пізні квіти.
Під дощем зустрілись
Літо й Осінь
На пероні Бабиного літа.

Клен, що почав золотіти,
Крилами випростав віти:
Мабуть, збирається з літом
В теплі краї відлетіти.

Пожовкле листя
топче ніч
Тихенько,
не почує й миша.
Заснуло все.
І тільки сич
Не спить,
вартує в лісі тишу.

Вечір осінній —
Телятко руде —
Спив тишу синю
І спати іде.

Осінь злива не барилась,
Втекла. На небі голубінь.
А на веселку примостились
Дві хмарки, наче голуби.

Грає мелодії осені
Сум на іржавій ринві.
У дощовім замороченні
Клин журавлів поринув.

Осінній вітер навмання
Літав, та змерз, що аж посинів,
І, щоб зігрітись, обійняв
Червоне гроно горобини.

Об терник вітер розірвав
Свою одежу. Ну латати.
І сумно терник колива
Принесені барвисті лати.

Вже птахи відлетіли у вирій
І дерева безлисті стоять...
Тільки мотлох збере на подвір'ї
Пізня осінь моя.

Ранок вмився дощем
 Чи сльозою-зневірою?
 Осінь! Чом же ти ще
 Не зібралась до вирію?

Осінь мрякою марудить,
 Зорі вимокли в дощах...
 Прийде грудень білогрудий,
 Скаже осені: прощай.

Осінній сум

Вже не стелиться трава
 У степах зеленим шовком.
 Клена буйна голова
 Розгубила гриву жовклу.

Вітром листя намело,
 Небо сіре, а не синє...
 Без надії на тепло
 Поринаю в сум осінній.

Завірюха

Налетіла завірюха,
 Як розбійниця з діброви.
 Залпила ніс і вуха,
 Стала стріхою на бровах.

А мороз — дзвінкий, веселий,
 Безпардонний і зубастий —
 Так і рветься до оселі,
 Щоб тепло останнє вкрасти.

Зупинися, завірюхо,
За що ти мене лінчуєш?
Та вона свистить, не слуха...
Може, й слуха, та не чує.

Літні люди

Небо сірою габою
Вкрите. Студить землю лютий.
Вже давно про нас з тобою
Хтось та й скаже: літні люди.

Загубились наші квітні.
Осінь де? Немає й мови.
Ну які ми, в біса, літні?
Ми з тобою вже зимові.

Не зігріє хату груба.
Сніг глибокий не розтане.
Притулись до мене, люба, —
Я віддам тепло останнє.

* * *

Сонце вересневе мружить очі,
Не пече, а лагідно пригріє,
Та його тепло з'їдають ночі —
По ночах вже осінь чародіє.
Що вона захоче, те і вдіє:
Відпалала пристрасть парубоча,
Відшуміли зливами надії...
Сонце вересневе мружить очі.

Григорій ЛІЩЕНЮК

П'ахнуть трави спогадами літа

* * *

Ах, ця ніч, морозна і ясна,
Сипле зорі в снігові сувої.
Навіть сови в кольорових снах
Білизни не бачили такої.

Не почувеш шуму їхніх крил,
Тінь хіба що зловиш краєм ока.
Сплять під білим саваном вітри
Край дороги, де сосна висока.

Лютий холод, всівшись на поріг,
Інеєм залазить у хатину.
І стікає кров'ю прямо в сніг
На вітрах порізана калина.

* * *

Вже зорі на вітрі сурмлять
І трави пожовклі спеклися.
У лісі мільйони багать,
Дивись тільки, не обпечися.

Пекучі, здається, вітри,
Вони шаленіють і б'ються.
Долоню в долоню потри,
До щік притули і забудься.

Бо осінь згоряє, либонь,
І літа давно вже немає.
Тому цей холодний вогонь
Так душі людські обпікає.

* * *

Сива, забута казка,
Очі такі сумні.
Просить вона: «Будь ласка,
Холодно тут мені.
В хату впустіть до себе,
До діточок малих.
Завжди була потреба
В добрих казках отих.
Я ж бо вас всіх ростила,
Кожен же був дитям,
Зараз не маю сили,
Впала у забуття.
В хаті у вас комп'ютер,
Дивно змінився час.
Важко мені збагнути,
Що я чужа для вас».

* * *

Я в пригорщі ловлю недбало день,
Вдивляюся у золотавий простір.
Давно уже чекаю друга в гості,
Хоч знаю — він ніколи не прийде.

Отак посеред вересня живу,
Думки докупи часто шию шовком.
Між нами всі зникають недомовки,
Коли я в синіх снах його пливу.

Не думай ні про що, мені повір:
Осіння філософія щось має,
Вона до болю в душу западає
І проситься строфою на папір.

* * *

Як жаль мені осінньої краси,
Як шкода, що зів'яли пізні квіти.
У крапельках замерзлої роси
Зостався спогад про згоріле літо.

Кричать птахи, так болісно кричать...
Чи, може, це мені лише наснилось?..
Край лісу, де дзвеніла сіножать,
Стерня колюча в небо задивилась.

Бреду неквапно, холодно мені.
Пожовкле листя спить край огорожі.
Міняю ночі на сумливі дні...
Я сірий птах, що відлетить не може.

* * *

Пахнуть трави спогадами літа,
На покосі кинуті всіма.
Їм давно судилось відболіти,
Вже не налякає їх зима.

Тополине листя облетіло,
Впало сонце аж за небокрай.
У верби старе, трухляве тіло
Ніє так, що навіть не питай.

Холодом повіяло з долини,
Покотився місяць по стерні.
Обігрітись полум'ям шипшини
Він колись хотів, а зараз — ні.

* * *

В жовту безодню днів
Падає перший сніг.
Вітер вночі бубнів,
Довго заснуть не міг.

Птаха у небі, ген,
Хмари наздоганя.
Золотом сипле клен
Осені навмання.

Квіти сухі сплелись,
Й ніби здалось мені,
Все це уже колись
Бачив я уві сні.

* * *

Сонна тиша бродить по долині,
Догоріло літечко, либонь,
Наловив цикорій неба сині
І сумує мовчки остронь.

Вже птахи зібралися летіти
У чужі, незвідані світи.
Цідить вільха крізь лапаті віти
Полиновий присмак гіркоти.

Самотіє у жури полоні
Клен розлогий край старих воріт.
І росинка на моїй долоні
У собі відбила цілий світ.

* * *

В лісі хатина стара
Снами дитячими марить.

Часто тут бродить Мара
Разом з Розлукою в парі.

Пахнуть квітки лісові
Після серпневої зливи.
Прийде сюди Лісовик
З торбою спогадів сивих.

Сяде вночі на поріг,
Біля забутої хати.
Все, що в торбині зберіг,
Нікому вже показати.

* * *

Такі сумні і монотонні гами
Зриває вітер на одній струні.
Ключ журавлів над сірими степами
Летить, летить в імлістій даліні.

Іржаве листя падає під ноги,
Скидає горобина ягід жар.
Купається в калюжі, край дороги,
Сріблястий місяць, вийшовши з-за хмар.

Вслухаюся в беріз щемку розмову,
Рахую до зими короткі дні.
Сюди колись я повернуся знову
Вже перелітним птахом навесні.

* * *

День до руки щокою тулиться
(Так восени завжди було),
За вікнами сльотава вулиця
Бреде неквапно за село.

Низеньке небо зовсім вимокло,
Ковтнувши заодно імлу.

Ген, у степу, над самим вибалком,
Тумани топчуть ковилу.

* * *

Перегірк горобиновий вечір,
Крутить вітер листочків рої.
Відлітають вервечки лелечі
В незнайомі далекі краї.

Мерзнуть птиці, долаючи втому,
Їх за мить чужина проковтне.
Хай не всі повернуться додому,
Але вірять. І це головне.

* * *

Міліє світ, і ріки, і ставки,
І джерело малесеньке в долині.
Здається, помілили вже роки,
Вони летять занадто швидко нині.

Дрімає сад ранковий у росі,
Але передчуття стискають груди:
Якщо і душі поміліють всі,
То що, скажіть, тоді із нами буде?

* * *

Блукають душі зірваних квіток
В покинутих садах, що пахнуть плодом.
До вересня зостався тільки крок,
Дим з картоплиння стелиться городом.

Тут від села лишилось кілька хат,
Але й вони приречені на страту.
Над яром досягає виноград,
Його ніхто не буде обривати.

Йду навпростець. Могили і хрести,
 Сумує цвинтар на краю дороги.
 Мій краю, як змінився нині ти —
 Скалічений, нещасний і убогий.

* * *

Скупався червень в голубій росі,
 Він пташенят навчив уже літати.
 Зелений день навпочіпки присів
 Біля вікна покинутої хати.

І двері перехнябились набік,
 І сліду не зосталось від порогу.
 Давно хатина віджила свій вік,
 Але стоїть, сама не зна, для чого.

Приляже сонце за далекий пруг,
 І тіні заснують дупляву грушу.
 І в котрий раз цвіркун — єдиний друг —
 До сліз хатині розтривожить душу.

* * *

Поосінена синь
 Попливла понад краєм.
 В прохолоді роси
 Ранок верби купає.

Вже гірчать полини,
 І птахи будять тищу.
 Ні з чисті вина
 Й ми цю землю залишим.

Впаде в річку зоря —
 Так бувало раніше...

І ні ти, і ні я
Не повернемоь більше.

* * *

Сядьмо, доле, нині ми з тобою
У старенькій хаті край вікна.
Вип'ємо пекучого настою
З однієї чашки аж до дна.

Все минуло: втрати і невдачі —
Тільки ми zostалися удвох.
Я тобі давно уже пробачив,
Не кривлю душею, бачить Бог.

Закотився м'ячиком сріблястим
Повний місяць за безлистий сад.
Дякую, що не дала пропасти
В цьому світі відчаю і зрад.

Хоку

❧❧❧

Птахи в небі, ген,
Пролітають над полем.
Крадуть мої сни.

❧❧❧

Ночі безодня.
Попіл надій на скронях.
Літо згоріло.

❧❧❧

Осінні квіти
Принесу у кімнату.
Болюча краса.

Людмила НИКОЛАЕВСКАЯ

Эта боль как тьма колодца...

* * *

На ветру трепещут листья,
На ветру.
Ветер дерзок и неистов —
Не к добру.

Тучи грозные нависли
Над землёй,
Словно недруг ненавистный
Предо мной.

Затянуло солнце мраком
До небес,
И бездомною собакой
Замер лес...

Я гляжу, роптать не смея,
Лишь скорбя.
Ненавидеть не сумею,
Не любя...

* * *

Ностальгия... Или печаль...
То о прошлом тоска глухая?..
Отчего-то мне видеть жаль,
Как сады отцветают в мае...

Песнь метели, как дивный стон,
Затерялась на дне колодца.
И малиновый тёплый звон
Больше в сердце не отзовется...

Жаль, что спиливают орех,
Тот, что рос столько лет у окон,
Жаль, когда на виду у всех
Тишину взорвала жестокость.

Ах, как бойко стучат топоры!
Пилы песню свою играют!..
Вам не жаль? На глазах детворы
Наше детство искореняют!

Без остатка! И только пни —
Словно шрамы на лице солнца.
И попробуй-ка угомони
Эту боль, что как тьма колодца.

Ностальгия... Или печаль...
Или просто хандра глухая?..
И по-прежнему видеть жаль,
Как сады отцветают в мае...

* * *

Бежит мальчишка по траве.
Мелькают звёзды, ветер свищет.
Пред ним дорог, наверно, с тыщу
На этой вздыбленной земле.

Бежит мальчишка. Ну и прыть!
Мелькают звёзды в беге длинном,
И вот уж жизни половина
Промчалась. Не остановить!

Быстрой, стремительней разбег —
Мгновенье до заветной цели!..
Но снова горькое похмелье
Убьёт надежду на успех.

Дыханье тоже еле-еле.
И первый снег — последний снег
Ложится тяжело на ели.

Но всё же, будто бы во сне,
Подняв глаза и руки к звёздам,
Бежит стремглав по тропкам росным
Мальчишка в гулкой тишине.

* * *

Весной запахло в феврале.
Морозов словно не бывало.
И каждый холмик во дворе
Пестрит весенним покрывалом.

Дождями съедены снега.
Короче и теплее ночи.
И птички трели, как всегда,
Весну досрочную пророчат.

Обманчивые небеса
Ещё грозят последней стужей,
Но ты поверишь в чудеса
И в то, что ты кому-то нужен.

* * *

За семью горами,
За семью долами,
Там, где копны — к солнцу,
Где цветут луга,
Ходит чьё-то счастье
С ясными глазами,

И текут сквозь реки
Быстрые года.

Только бы запомнить
Голубую полночь,
Только бы запомнить
И не растерять
Трепет ожидания,
Глаз родных сиянье,
И в любви признание
Сизого костра.

Только бы запомнить
Стон травы примятой,
Росные тропинки,
Сонный шум ручья,
Запахи хмельные
Чабреца и мяты.
И слова простые:
«Ты теперь моя...»

* * *

На душе так тихо-тихо.
Дождь залёг на дне урочищ.
Осень, щедрая франтиха,
Зиму долгую пророчит.

А пока снуют туманы
Над застывшим в дрёме лесом,
Всё, что зыбко и обманно,
Безотрадно, бессловесно,

Всё спешит душе навстречу,
Всё находит в ней усладу.
И течёт незримо в Вечность
Время — струи водопада...

* * *

Струится аромат елея
В мерцанье сумрачных икон...
Застыли призрачные ели,
Подёрнут дымкой небосклон.

Едва мерещится дорога,
Как лента узкая, пестра.
И еле теплится тревога
От догоревшего костра...

* * *

Я наклоняюсь и целую,
Морщинки светлые у глаз,
И словно молодость вторую
Ей возвращаю всякий раз.

Как редко, редко целовала,
Как мало, мало берегла.
Порой минуты не хватало
Сказать ей главные слова.

А ведь нужна такая малость:
Лишь позвонить, зайти, обнять —
И с глаз родных сойдёт усталость,
В душе наступит благодать.

Запахнет в доме пирогами,
Сирень взметнётся у окна.
И снова возвратится к маме
Её далёкая весна.

Я наклоняюсь и целую,
Морщинки светлые у глаз...
И словно заповедь святую,
Я повторяю всякий раз:

О Господи, даруй мне силы,
Чтоб возвратить свои долги.
О Господи, прошу, помилуй,
Подольше маму сбереги!

* * *

Всё от любви на этой грешной,
Вконец заезженной земле...
Всё от любви... Тем безутешней
Корабль, несущийся во мгле...

Куда он мчится? Где же гавань?
Где безмятежность и покой?
Неистовство, вражда и слава
Нам откликаются бедой...

* * *

Я родилась, когда с рассветом,
С печальным криком журавлей,
Поспешно уходило лето,
Пугаясь участи своей.

Дотла сожжённые колосья,
Воронки пепла на полях.
И в тишине многоголосья
То детский плач, то женский страх.

Промчались годы стороною,
И на висках уж седина,
Но сердце, как и прежде, ноет,
Когда опять звучит: «Война»!

И оттого мне снится чаще
Учителя рукав пустой...
И рвётся сердце от участия:
Не надо войн, не надо войн!..

Анатолій ЧЕЧЕЛЬ

Зіграй мені, вітре...

* * *

Зіграй мені, вітре,
Вербовими струнами вранці.
Прощенням глибинним
Від тихого сплеску води.
Образу стару
Заплету переборами пальців,
Мажорним лаштунком
Загояться рани біди.
Зіграй мені, вітре,
Щоб тугою зболена пісня
Відкрилась сувоєм
Між нас вдалині на весні.
У краї медовім
Не бракло шляхетного місця.
В серцях і зіницях
Сонціли надії ясні...

* * *

Коли впаде зоря росою
І мить засне під вітровій,
У вербах ніжною красою
Займеться ранок золотий.

На стежку станеш в рушниках,
Мов янгол, ти розправиш крила

І в даль полинеш на вітрах
В розхристану миттєвість, мила.

* * *

Суниці печуться на сонці,
І губляться соки землі.
Смакуйте, не бійтесь — не стронцій!
Смакуйте клубочки малі!
Бо літо підносить надії
І смаком, жаданим теплом,
І радістю здійсняться мрії —
Заманять співучим зелом.
Суниці печуться на сонці
І медом знетравлюють стронцій.

Сумна балада

В душі образи не розтопиш лід,
Хоч вип'єш гіркоту густим вином.
Безхатченко і помарнів, і зблід,
І скроні вже запінілись давно.
Огидний. Буйно збурена злоба.
На лаву сів, читаючи слова:
«Зринає сум і звужує стежки,
Виболює останній в серці бруд,
Заводить непокірну душу в блуд,
Людським свавіллям манить навпрошки...»

Де не візьмись — дівчина підійшла.
Без слів і церемоній, і без зла
Вона підсіла, слухає вірші.
Та враз, що знав, слова забув усі...

«Людським свавіллям...» — тихо промовляв...
Та як же так? Він знову не згадав!
Вона продовжила: «Душі полон,

Маскуючи від лиха і біди,
 Напружене життя-буття завжди
 Сприймаєш як реальність, як закон,
 Та як давно минув щасливий вік...»
 Пихато повернувся у її бік:
 — Ти хто така? — він тихо запитав.
 — Я знаю майже всі твої вірші,
 Поет давно відомий, чи не так?
 Коли б ти менше пив і менш грішив,
 Життя твоє змінило б хресний знак.
 А, бач, давно у тебе вже нема
 Ні імені, ні дому, ні сім'ї.
 Кохану теж покинув ти дарма...
 — Ти хто така? Скажи! І взагалі,
 Від мене відвернулася сама.
 — Коханок теж приводила вона?

А він весь час повторює своє:
 — Облиш! Облиш! — Та знов із пляшки п'є. —
 І звідки ти взялася взагалі,
 Якого дідька ставиш ти мені
 Докори, що спростити не зумів?
 — Ти хочеш знати? Донька я твоя!
 Мене залишив ти ще немовлям...

Немов би грім ударив між очей!..
 Безсило на коліна він упав,
 Поклавши хрест на лоба і плече.
 — Донька моя!.. Тебе я не впізнав!..
 — Відома річ, мене ти не впізнав
 Лише тому, що знати не бажав...
 А вітер в клоччя рвав печаль і сум,
 Відносив у розшматану блакить.
 Дівочими слізьми шалений глум
 Немовби зупинив зболілу мить...

Вона пішла і зникла серед віт...
Він довго ще сидів, дививсь їй вслід.

* * *

Зів'яли фарби на мольберті осені,
Маніряться мелодії криниць.
І трави, листопадом потолочені,
Зурочені вітрами, впали ниць.
Від протягу давно скропилось літечко,
Лаштуються сполохані сади.
І небо виполіскується літеплом,
У поспіхах схилилось до води...
А я очима з поглядом затьмареним
Вплітаюсь в оксамитову печаль
Осінніми хоралами захмарними
Там дефілює сонячна медаль.
На пагорбі стою в глибокім спокої,
Над урвищем вже блискає гроза.
За видноколом дощ тихенько скапує,
Густим настоем котиться сльоза...
Та все ж душі моїй любові хочеться,
І серце щемно в грудях бубонить...
Напитись губ твоїх солодких проситься,
Защасливіти хоче хоч на мить.

* * *

Не сумуй, що прийшли холоди,
Сивобокі вітри засвистіли,
Закували Інгульські льоди
Делікатно беззахисні брили.

Не сумуй, що завмерли луги
І жита загорнулись в солому.
Скоро зірвуться буйні сніги
І душа посвітлішає знову.

ЕФИМ АВРУЦКИЙ

*Сидит девчонка на заборе**

Огарок солнца
 в землю скоро
На ночь спрячется,
Сидит девчонка
 на заборе
В светлом платьице.

Давным-давно ушло то лето,
Но и сейчас я помню чётко
Картину эту
И ту девчонку.

Успел нечаянно взглянуть
Я на неё в тот вечер:
Ещё мальчишеская грудь,
Худые плечи.
Копна волос...
А вся краса —
Признать пришлось —
Её глаза.

И в них — я понял, —
 обычных с виду,

* Публикуется с сокращениями. — *Ред.*

Утонут разом
все Атлантиды!

Я шёл
дорогою своей —
К другим девчонкам,
а не к ней,
А потому
не подал виду,
Что гибну в них —
как Атлантида!

Вот почему не смог понять я,
Как получилось так,
что скоро,

Девчонка
спрыгнула с забора
В мои объятья!

С тех пор полвека
(правды не тая,
Могу сказать я)
Не в силах я, не в силах я
Разжать объятья!

Май 2009 г.

Уляна ГОРЯНА

На хвилі верлібру

* * *

Вздвж неба —
по обрїю прямую вечором,
зїткана із вечорових
вогнистих тїней-хімер.

По тїнях
в полудень згасаю на чорну цятку,
серед пилу, серед спеки,
в холодок під кущ троянди.

В спраглих травах
зблисну росинкою,
а по колючих гїлках
пришпилені опалї спомини.

На твої губи
впаду росистою сльозинкою,
щоб втамувати лїтньої ночї жагу.

* * *

Мій птах-ангел червонокрилий
зринув на вицвілім заходї,
присїв на горизонтї,
накреслив по ньому стежку,
яку згодом висвітлить місяць.

Зїйшла зірка,
охолонула квітка фіалки,

жевріє брунькою
в голубій глибині невмирущості...
Знак для долі!
На червонім крилі тавро...
Скрикнула птаха,
плюсує мої польоти,
віднімає мої падіння...
На перелаз із шелюги
впала червона пір'їнка,
повертається мій птах
в підгірки таємничих світанків...

* * *

По тину павутина
перевиває стежку в літо.
Липуча нитка
на лапках сонечка-жука
досягла яблуні —
скинула в траву яблука...
Відкрилося віконце в бабине літо,
бо павутинка —
то і є доріжка в минулі роки,
що останнім теплом
заплутує серце
в омани...
в химери...
в марення
і сновидіння...

Розірву ту павутину,
нехай не чіпляється до серця...

* * *

Шумить ліс,
поряд річка —

радіє,
 а може сумує?
 А я, вигнанниця,
 стою на межі
 між літом і осінню,
 між лісом і річкою,
 між землею і небом,
 поміж небес...
 Толочу їх своїми крильми.

* * *

я за ним
 таємним шляхом
 у вишневий сад
 до криниці
 під зорі
 у щастя
 на світло місяця
 на невидиму веселку
 вночі ж її нізащо не побачиш

я за ним
 у тягучім меду кохання
 у гарячий завій безвихіддя
 сніжинка на серце?!
 білий холодний пух кульбаб

я з ним
 в польоті
 на парашутику кульбаби

* * *

Легкі витки вітру —
 кучері ангела. Привид?..

Бурний потік грозової води —
шевелюра демона... Привид?...
Чому примари?
Невже я їх бачу?
І себе бачу серед них!
По річці
розмотані завитки волосся русалки,
по стежці
розмотані пасма трави,
по землі
розтягнуті повісма туману,
по небу
розсіяні прядки променів сонця...

Волосся і хвилі...
Хвилі...
Хвилі на небі,
хвилі на річці,
хвилі на траві...
Задивилася на твоє волосся...
Ти не мара!
Ти справжній!
До тебе можна доторкнутися...
Дякую тобі за це...

* * *

Здеру
бинти із своїх закривавлених споминів...
Нехай кровоточать!..
Як боляче!

Анатолій КУРГАНСЬКИЙ

Стежки і дороги

* * *

— З чим підеш ти в світі далекі? —
 Питає мати. — Йдеш в дорогу...
 — Візьму я пісню, як лелеки.
 — Гаразд, іди, і слава Богу.

Вдови

У матерів — страждань по вінця,
 В сльозах роки, в сльозах душа:
 Взяла війна в бою армійця —
 Біда і сум не полиша.

Роки летіли, наче кулі,
 В волосся сіялась зима...

Вже не кують для них зозулі,
 Бо багатьох із них нема...

* * *

Немає гір високих в нашім краї,
 Щоб аж під горло тисла висота.
 В полях ми споглядаємо врожаї,
 Де з року в рік добробут вироста.
 Річок, ставків ласкава прохолода

Знімає втому з тих, хто йде з полів,
І плава сонце в цих спокійних водах —
Сам Бог йому купатися велів.

Сто тисяч сонць за день лягли у воду,
Лежать собі, щоб грілася земля.
Це рідний край, земля мого народу,
Тут гір нема, є води і поля.

* * *

Прислухайся, як трави млосно дишуть.
Ми думаєм, що в лузі все мовчить,
Але в мовчанні цім немає тиші,
Тут музика між травами звучить.

На травах, на росі веселки грають
І різні розстеляють кольори...
Тож різнокольоровими бувають
Весілля трав ранкової пори.

Гончарна глина

Із дня у день не відпускає руки,
Долоні ніжить й ніжить заміс.
Вона в горні всі витримає муки,
Щоб горщиком у хату хтось приніс.

Не горщиком — макітрою чи глеком.
Вона себе в безсмертя віддає —
Й віддасть хвалу всім родичам далеким
Від тих набутків, що у неї є.

* * *

Осінь в диму. Картоплиння згоря.
Вила в руках. Колівщина наче.

Смуток гіркий. Заховалась зоря.
З вилами я. Мати поруч і плаче.

Мамо, не плач. Помічник твій підріс.
Тата нема. Я хазяїн за тата...

Скільки іще вдови виплачуть сліз,
Поки ще будуть сини підростати?

* * *

Сліпили ранки після ночі
І грали краплями роси.
Чумацький шлях співали очі
Й хмарин легеньких паруси.

Спішу в садку вишень нарвати,
Кипить вода вже в казані —
Вареників наварить мати,
І буде солодко мені.

* * *

День зарядив дощем у серпні.
Пригальмувалися жнива.
Мов захолоді чи отерплі
Поля, що дощ їх полива.

На сторінках пожовклих літа,
Серед комбайнів та возів,
Вмиває дощ зірчасті квіти
Динь, огірків та гарбузів.

* * *

Холоне тихо тепле літо,
Зажуру вже несе Покрова.
Дощі й тумани плинуть світом,
В печі в огні тріскочуть дрова.

Як відгорять, мов стане пусто
Ції досвітньої години,
А мати на листках капусти
І калачі внесе й хлібини.

Мов у сонцях тоді кімнати —
І щастя більшого не треба,
Бо диха хлібом наша хата,
Ясніє світ й життя потреба.

В моїм селі

Був храм у нас, немов лебідка біла,
Зняли хрести — і він без Бога став.
Зробили клуб, там лампочка горіла,
Але у вікна вітер задував.

Там молоді співали й танцювали,
А в комірчині клубу всі роки
Ікони опаплюжені вмирали
І вишиті безцінні рушники.

Щоб розламати — не треба довго вчитись,
Але ж, здається, час новий гряде,
Куди ж прийти, щоб Богу помолитись,
І свічку поставить Богу — де?

* * *

...Пройтися по світу й побачити треба
Величні будови, що тягнуться в небо:
В Єгипті чи в Греції — в інших країнах...
А поруч ще бачимо світ на руїнах...

* * *

Дорога спить, тверда, поміж ярками,
І небо спить з поснулими зірками,

Старий садок заснув, зібравши тишу,
Останній пасічник куток залишив.

Колодязі ніхто будить не хоче,
Безвихідь скрізь, кому це треба, Отче?
Святкують сни і дні свої, і ночі...
Ще хто селу пекельний час наврочив?

* * *

Сьогоднішні або вчорашні дні
Історія закриє сторінками,
Все, що було в небесному вікні,
Читатиметься заздрісно віками.

Про поле, ліс, про птаха, джерело,
Про терикони з подихом урану...
На карті віднайдуть моє село
Й не віднайдуть мою болючу рану.

* * *

Вже закінчились сутінків танці,
День у березень вже заплива...
Ти покликала маму вранці
Й захолили до неї слова...

Тільки фото поставили й свічку...
Відігрались зі світом роки...
Теплих сліз ми висушуєм річку,
Нас життя розлучило таки.

* * *

А сніг нічого вам не скаже,
Він тихо й щедро в полі ляже,
Мов простирадлом, все огорне,
Щоб стало білим те, що чорне.

* * *

Сутінки вужами заповзають
Тихо в хату через вікна, двері,
Під столом і лавою лягають
Й простирадло стелять на папері.

Це мене не може заспокоїть,
День пощез і вже його немає.
Що ще зможуть сутінки накоїть,
Місяць їх вже сріблом поливає.

Темінь по кутках стоїть стовпами,
Лиш Побідоносець сонцем сяє.
Руки на папір стемнілий впали,
Гасниця на припічку чекає.

Стежки і дороги

1

Вітри життя, було вас так багато,
Котили на світах, мов кураїну.
Але весь час мене чекала мати
Додому, у село, на Україну.

2

Стежки і дороги ведуть всі до хати,
Прямі чи покручені — в рідне село.
А в хаті зустріне схвильована мати
І скаже: «Як довго тебе не було...»

Поету

Слова бережи, не розтринькуй на вітер.
В них мужність, добро і кохання несеш.
Ти мудрість свою залишаєш із літер,
Які вже на волі, й немає їм меж.

Елена НАДУТЕНКО

*Листая дней прошедших череду...***Солёный дождь**

По жухлым листьям барабанит дождь,
Холодный ветер стонет в голых кронах.
По лужам одиноко ты бредёшь
Среди домов и окон полусонных.

Не понят, не обласкан, не согрет,
Что на дворе, что в сердце — дождь и слякоть.
Стократно повторяясь, слово «Нет!»
Вслед за тобой плетётся среди мрака.

Далёким эхом улетает в ночь
Потухший взгляд, скупой, опустошённый,
И обречённо ты уходишь прочь,
А по щекам струится дождь солёный.

Бегство из рая

От всех и вся, от мира убегая,
В Ад одиночества сбежала я из Рая.
В мир пустоты, тоски и забвения
В порыве гнева постучала я.

Изгнанию положено начало...
На голос глухо эхо отвечало,
Шептала мне на ухо тишина
Коварно, монотонно: «Ты — одна!»

Живой души со мною рядом нет,
Ничьим теплом мой мир не обогрет,
Увы, ничья не пролегла дорога
Под своды одинокого чертога.

Затворница! Зачем стучала я
В мир пустоты, тоски и забытья?

Страшнее слов

Не пресекай мою тираду,
Пускай слова увидят свет!
Здесь бесполезен твой запрет,
Перебивать меня не надо.

Нет, я канонов не нарушу,
Напротив, выслушай меня!
Быть может, я и не права,
Но дай излить словами душу!

В словах моя прорвётся суть,
Ей в клетке нынче стало тесно.
Ужель тебе не интересно
На миг мне в душу заглянуть?

Ещё скажу я на прощанье:
«Страшнее слов — моё молчанье».

Своенравное время

Попыток время обмануть,
Увы, предпринято немало.
И время вызов принимало,
Порой свою меняя суть.

Непредсказуемо — как птица,
Необъясним его полёт,

Оно то замедляет ход,
То, как стрела из лука, мчится.

Ему прощаются причуды.
Оно свою диктует власть!
Я в ногу с временем попасть
Стараться неизменно буду.

Но если вдруг собьюсь когда-то,
В том будет время виновато.

Хрупкий кубок

В мой хрупкий кубок крепкого вина
Плеснул Господь и преподнёс однажды.
И с этих пор я каждый день пьяна,
Я пью нектар, не утоляя жажды.

Кружила голову цветением весна,
Сушило кожу солнце знойным летом.
Как жизнь была прекрасна и длинна,
Как были молоды закаты и рассветы!

Менялись даты, дни и времена,
Уже и осень лужи расплескала,
И промелькнула в кудрях седина,
А я всё пью из хрупкого бокала.

В моё заиндевшее окно
Стучит зима озябшими перстами,
А я вкушаю терпкое вино
От жажды воспалёнными устами.

Как жаль, что там, на самом дне бокала,
Хмельного зелья так осталось мало!

Театр

Да, жизнь — театр, а мы — актёры в нём.
Для нас назначены события и роли,
Дана частица радости и боли.
Уйти со сцены вряд ли мы рискнём.

Мы все — шуты, паяцы и сатиры,
С расписанным по нотам амплуа:
Отелло, Яго, Медичи и Лиры,
Джульетты, Дездемоны, Валуа.

Близки нам закулисные интриги,
Пьянит нас Вакх, сражает Купидон.
Мы все готовы нацепить вериги
Обременённых славой примадонн.

В театре мы — актёры. Но тогда...
А кто же зритель в зале, господа?

К исповеди

Трепещет нерв натянутой струной,
Трепещет сердце, словно в клетке птаха.
Ночные тени, привиденья страха,
Терзая плоть, нависли надо мной.

Листаю дней прошедших череду,
Настойчиво ищу свои ошибки,
Напрасно тщась, что я вот-вот найду
Причины беспокойства повод зыбкий.

Как дань признанья ночи я несу,
Несу на исповедь измученную душу.
Я, тонуций пловец, что ищет сушу,
Я, странник, заблудившийся в лесу.

Я жду зари спасительной огня,
Что выведет из сумерек меня.

Финита!

Как быстро пролетает время!
Казалось бы, совсем недавно,
Суетности отбросив бремя,
Я твёрдо ставил ногу в стремя,
Гнедого попуская плавно.

Подстёгивая время, гнал
Я скакуна дорогой жизни.
От старта был далёк финал.
Но я тогда ещё не знал,
Что от рожденья мчался к тризне.

Мой конь устал на склоне лет,
Истёр до крови он копыта...
Просрочен в прошлое билет,
К нему уже возврата нет,
Финита, господа, финита!

Томится в стойле конь без дела,
Пылится старое седло...
Пусть жизнь беспечно пролетела,
Пусть годы иссушили тело...
Лишь с верным другом повезло.

Ну и пусть

В закрытые двери стучу и в окно.
За ними так жутко, пустынно, темно!
Замки открываю, ломаю ключи.
А дом напряжённо и тупо молчит.

Вхожу в отсыревшую тень тишины,
Зову — только отзвуки эха слышны.
На пыльных коврах оставляю следы.
В углах паутины колышется дым.

Простынки накинута на зеркала...
Кого я в обители этой звала?
Зачем я вломила в покинутый дом,
Зачем потревожила прошлое в нём?

Уйду, затаив потаённую грусть.
Я здесь не нужна. Ну и пусть, ну и пусть...

Пропаж

Гляжу на свет сгорающих свечей...
Я — как предмет, потерянный, ничей.
И странно то, что потерявший даже
Не ощутил нечаянной пропажи.

Меня у юности когда-то он украл,
Легко, беспечно чувствами играл,
Смотрел, как на семейный атрибут.
Тогда я поняла, что мне безбожно лгут.

Никто меня не слушал, не берёт.
Решилась я, шагнула за порог,
Вдохнула свежий воздух воли я,
Упившись мыслью: я теперь ничья.

Ничья, ничья! Какой желанный миг!
Весь мир теперь лежит у ног моих.
Я жизнью очарована, при этом
Себя не чувствую потерянным предметом.

Сергій ШПУДЕЙКО

*Щоб поділитись дивом з вами...***В світлиці серця**

Душа, як істини жадала,
Мене до неба наверхтала.
І я злітав у небеса...
А зірка в небі зустрічала
Та диво-квітку дарувала.
Я трепетав: що за краса!
Ота тендітна диво-квітка
Десь в небі зорянім розквітла...
З якого світу, диво-раю?
Так! Я дарунок цей приймаю!
На землю з нею повертаюсь.
Шукаю чистої води,
У заводь тиху опускаю,
Щоб на Землі її зростить.
Хай в це повірити не просто,
Та я тримав зірковий лотос —
Чарівну квітку від богів!
І цю зіркову диво-шану
В світлиці серця прихистив,
Красою душу окрилив,
А потім в вірші поселив,
Щоб поділитись дивом з вами.

Заповіт любові

Ніч опустила на землю шати,
Заколисала вечірній гомін...
Та той, хто любить, не знає втоми,
На крилах ночі летить кохати.
Жага кохання нуртує очі,
Єднає в герці уста-гвоздики,
І груди, щедрі жаринки ночі,
Здіймає в танок, нестримно дикий.
В його нестямі — серцець хорали
На сьомім небі зірок торкають,
А їх розмаї, зірничок зграї,
В косу ранковій зорі влітають.
Зоря від того рожево квітне
І в сотні райдуг переливає,
Мережить ранку рушничок світлий,
Бажань палітри в нього влітає.
На ньому сонечко зустрічає,
До нього серденьком припадає.
З ним сотворює нам день пресвітлий.
В його обійми і нас кидає.
Фінал любові завжди чудовий!
Так було вічно. Хай буде знову!
Кохайтесь, люди, любіться, люди!
Хай світла й щастя в житті прибуде.
Лиш хто кохає, щасливим буде!
Лиш від любові життя прибуде.
Кохайтесь, люди, любіться, люди!
Хай світла й щастя в житті прибуде.

Тропар святому духу...

О Святий Дух,
Вічний батько і друг,

Будь зі мною завжди,
І мене відведи
Від тяжби і біди,
І від вражих наруг.

Ти наснага життя
І криниця Душі.
Ти основа основ
І вершитель вершин,
І Добро, і Любов!
Мудрий шлях укажи
До сердечних чеснот,
До небесних красот.

На круті віражі
Ти мене піднімав,
Недосяжні раї
Ти мені відкривав.
Я про велич твою
Величальну цю склав.
Ти мене укріпи,
Щоб і далі співав.

Лечу до тебе

Пробач мені, люба, прости мене, мила,
Що доля життя, мов свічу, загасила.
Відкинув зневіру, в безсмертя повірив,
Лечу я до тебе в молитвах і мріях.
Вже Віра дороги до істин відкрила.
В джерелах сердечних черпаю я сили.
На крилах надій я у весь світ злітаю,
В світах незбагнених тебе відшукаю.
Як пам'ять про лагідну щирю красу,
Я через віки і світи пронесу

Зорю світанкову моєї любові
У лагідній пісні, в окриленім слові
І в світі суворім земнім воскрешу
Жагу поєднання, небесне кохання.

Гарні тут люди

Стрічка Інгулу Собору всміхнулась,
Мрійно полинула в хлібні поля;
Золотоглавий услід їй розчуливсь:
Гарні тут люди і плідна земля!

Кіровоградє, нам серце порадуї
Плескотом вулиць твоїх гомінких,
Людям чудовим вклонися, порадуїсь:
Де ще зустрінеш красунь отаких...

До серця Вкраїни з усюди дороги.
Кличуть дороги і нас до пригод,
Та линуть додому — і серце, і ноги —
І з теплого краю, ї багатих широт.

Тут свою долю зустрів осяїну я,
Тут моя мрія спинала свій біг,
Горлиці милї, мов голуб, воркою,
Що я довірив їй серце навїк!

Кіровоградє, нам серце порадуї,
Плескотом вулиць твоїх гомінких,
Людям чудовим вклонися, порадуїсь:
Де ще зустрінеш красивих таких!

ЛІТЕРАТУРНИЙ АЛЬМАНАХ

Проза

Анатолий ЮРЧЕНКО

*Тихая охота**(Рассказ случайного попутчика)*

Кому громкая, кому тихая, кому и вовсе никакой — дело вкуса. Мне, например, больше по душе — тихая. Хотя, знаешь, и рыбаки, и охотники в роду тоже были...

Мой дядька, например, Александр Петрович Пронь. Он, понимаешь, отпуск без удочки и ружья — это когда он смог наконец позволить себе купить подержанное курковое ружьё — считал совсем пропащим.

Да и мой отец, по совпадению — тёзка моего деда по матери Пётр Фёдорович Мартынов, тоже был не прочь поохотиться. Стоило им, отцу и дядьке, оказаться вместе — что случалось не часто, а ещё реже присутствовал при этом и я, — выпить по рюмке, и тут же разговор заходил об охоте. Слова «чок», «получок», «картечь», «порох» — бездымный и дымный — так и порхали в воздухе. «Я уже целюсь, а сам думаю — из какого ствола?! Здесь у меня — чок, здесь — получок...»

Да что там!.. Я тоже, случалось, вместе с одноклассниками хаживал в тундру с отцовским ружьём — когда с разрешения отца, когда втихаря. Раз-другой возвращался с уткой...

Большеземельская тундра Заполярья, где я вырос, любого охотника навела бы на мысль, что райское блаженство — если есть на том свете такой специальный рай для охотников, страна вечной охоты — бывает и на земле. А вот не привилось, как и рыбалка. Наверно, сидит где-то внутри — не надо убивать живых существ только за то, что их можно съесть... Последний раз по дичи я стрелял в Саянах —

может быть, расскажу когда-нибудь и об этом, — и мы ту дичь сварили и съели. И... и всё. Как отрезало.

Другое дело — грибы.

Для тех, кто понимает, конечно.

Битый час можно бродить по лесу. И встречать других грибников, и даже с полными лукошками. И слушать их уклончивые ответы. И вдруг увидеть первый гриб!.. А рядом — другой! И вмиг всё меняется. И спрашиваешь сам себя — то ли действительно бродил не по грибным местам, то ли глаза наконец настроились?.. Тут ведь такое дело — чем тщательнее, чем пристальнее смотришь, тем меньше видишь. Но и рассеянный, скользящий по верхам взгляд слеп точно так же. И пока не поймаетшь золотую середину...

Помню, бродил я однажды по лесу и начинал уже думать, что брожу совсем понапрасну, когда — да ещё в таком месте, где никак не ожидал что-нибудь найти! — слишком оно было исхоженным, — почти наступил на гриб. Наклонился... Вот так да! Белый! Боровик! Царь грибов! Но... один... Только встав на четвереньки, только исползав всю полянку вдоль и поперёк, я наконец начал видеть. И срезал один за другим два десятка отборных боровиков.

Боровики вообще грибы хитрые. Красноголовик-подосиновик — тот хотя бы цветом шляпки может себя выдать. Неяркий обабок-подберёзовик всё равно попадётся на глаза. Но боровик!.. Сто человек пройдут мимо и будут уверены — пусто! А сто первый, с правильным взглядом...

Если что-то — кроме цвета глаз, формы носа, группы крови и... что там ещё зашифровано в генах? — может передаваться по наследству, то умение видеть грибы досталось мне от матери.

Деда Петра раскулачили в начале тридцатых. По семейной легенде, за двух коней односельчанина, которых

он согласился поставить к себе в конюшню по доброте душевной. А может быть — по мягкотелости. Вот это качество уж точно сидит у меня в генах.

— Да на день всего, — ныл односельчанин. — К тебе всё равно не придут проверять — и так знают, что бедняк...

Однако — пришли.

И вот из-за двух коней, чужих к тому же...

Хотя дядька рассказывал эту историю иначе.

Да, конечно, кони имели место быть, но... Оказалось, мой дед по молодости поимел... жену секретаря партячейки. А позже покаялся в этом перед сыном, когда тот стал взрослым. А может быть, и не по молодости — опять-таки, по мягкотелости. Может быть, это она его «поимела». И был он у неё, бедной, недолюбленной бабы, законный муж которой ночами жёг керосин в сельсовете и расходовал мужской пыл на идеи революционного переустройства мира, не первым и не последним. А значит, вело проверяющих, с секретарём партячейки во главе, по дворам отнюдь не классовое чутьё...

Но, так или иначе, семью — вместе с другими раскулаченными — кружным путём загнали из Омской области на север Томской, в медвежий угол, в тайгу и топи. Даже собраться толком не дали. Метрики на детей остались в брошенном доме, который отходил колхозу...

На подводах — до Омска. Баржами — по Иртышу. Грузили в темноте, загоня в трюмы, словно скотину. Швыряли вниз тюки с домашним скарбом, не глядя — на кого Бог пошлёт. На взрослого ли, на ребёнка — без разницы. Кулаки ведь, враги народа — пусть скажут спасибо, что вообще не расстреляли!..

Повезли с задраенными люками — чтоб ни у кого на глазах не маячили. Цепочку из пяти барж вниз по Иртышу потащил буксирный пароходик.

Почти две тыщи вёрст — до Оби. Ещё с тыщу — по

Оби, но теперь уже вверх по течению, до устья Васюгана. Солнце, которое, пока шли по Иртышу, вставало с правого борта, теперь вошло слева. Во время редких остановок сносили на берег трупы умерших...

Чёрная вода Васюгана, подпитываемого торфяными болотами, вливалась в обскую воду и, не смешиваясь, текла в ней тёмным потоком. Пароходик вошёл в эту черноту и пошёл по Васюгану до Усть-Чижапки, где находилась спецкомендатура НКВД. А оттуда — вверх по Чижапке, в неизвестность...

И, наконец, стоп, машина! Приплыли!.. «Ну, сгружайтесь. Обустройствайтесь!»

Трюмы открыты. Пустой, с высоким обрывом, берег. Ни людей, ни строений — ничего! Только столбик с табличкой — «70-й километр»...

Лето прожили в шалашах, поставленных на скорую руку. Из продуктов была только мука, которую выдавали по горсти. Не сеяли, не жали — только строили. Посёлок для грядущего светлого будущего — без кулаков, которых следовало перевоспитать трудом, строили. Корчевали лес, поднимали жильё — в первую голову для начальства и охраны. Для прочих — бараки... Редкое утро не начиналось с причитаний и воя по очередному покойнику. Умерших утаскивали из лагеря — хотя и не слишком далеко — и сбрасывали в общую яму.

Вот так, задолго до моего появления на свет, пришлось моей матери учиться видеть грибы...

Каждое утро, едва серело небо, родители многодетных семей отправляли своих девочек в тайгу.

На весь день — крошечный кусочек хлеба. Самодельного, из жалкой мучной пайки, на закваске из брусники. И два лукошка — одно для грибов, другое для ягод. Оттого что держались стайкой, было не так страшно, но однажды набрали на медведя. Замерли, боясь даже взвизгнуть. Но

зверь был сытый. Лишь глянул — пошёл своей дорогой...

Возвращались из тайги смертельно усталыми, но несли для родных еду. Засыпали, едва коснувшись головой подушки. Но чуть светало, усталых и недоспавших, их снова будили матери: «Пора, дочка...»

— А они не червивые? — придиричиво спрашивал о грибах глава семьи, мой дед, когда вечером все садились ужинать, черпая ложками из общего котелка.

— Черви — не то, что мы едим, черви — те, что нас едят, — отвечал прадед.

Как в воду глядел...

Прадеда, ещё крепкого старика с независимым мужицким характером и чисто украинским упрямством, забил насмерть комендант спецпоселения. Зверь — называли его за глаза... Умирая, прадед плакал и кричал от боли...

Но дети выжили... чтобы идти по жизни дальше с клеймом кулацких детей... Да ещё плохо рос младший, Сашка.

Но когда началась война, выяснилось, что ни рост, ни пятно на биографии значения не имеют. В строю, на левом фланге, после команды «К ноге!», он был ниже винтовки, которую получил в учебном лагере.

То ли из-за роста, то ли, как говорится, так карта легла, направили его в танковые войска. И было бы, наверно, суждено ему сгореть в танке где-нибудь под Сталинградом или на Курской дуге. Но карта и впрямь легла причудливо — он попал в танковые войска НКВД. И оказался под Тегераном.

Из Ирана привёз солдатскую поговорку: «Когда в кармане риалы — дело туманное, а когда туманы — дело реальное». В стране ходил риал, но цены продолжали обозначать в туманах... «Ну что, Александр Пронь, будешь служить дальше?» — «Буду». И остался на сверхсроч-

ную — под Москвой, в знаменитой, привилегированной дивизии.

И была любовь. И... много чего было... Та самая женщина, которой он раскрывал душу до доньшка, и настрочила донос. Получалось, ничего война не списала. Кулацкому сыну разрешалось быть пушечным мясом, но было не место в рядах доблестной армии-победительницы.

Война отучила его бояться — кому суждено сгореть, тот не утонет. Но теперь он, ставший уже старшиной, но ничего не умеющий, не знающий в жизни, кроме одного — быть пригнанной деталью военного механизма, растерялся. Ещё на что-то надеясь, лихорадочно писал письма. Написал даже самому: «Дорогой Лаврентий Павлович...» Рассказывая мне об этом, он чуть вздрогнул. Словно проглотил что-то мерзкое...

Но, к счастью, Родине по-прежнему требовалось пушечное мясо. Опального старшину быстренько сунули в часть, готовую к отправке в Прибалтику. Воевать! Хотя уже и не с немцами... Потом была венгерская заварушка. Потом Хрущёв начал первое сокращение армии. И его всё-таки вытурили. В запас...

Когда государство придумало льготы для ветеранов, дядька, как и все, пошёл в военкомат.

— Полагаются льготы, но только участника войны, а не боевых действий, — бурчал военкоматовский чиновник, лениво листая дядькино личное дело, — в боевых действиях вы участия не принимали...

— Да я же не в тыловых частях отсиживался! — возмутился дядька. — В боевых служил!

— Но в Иране наша армия боевых действий не вела.

— А Тегеранская конференция?.. Ведь это мы обеспечивали безопасность на переговорах Черчилля, Рузвельта и Сталина!

На последнем имени чиновник чуть заметно поморщился.

— Но боевых действий — не было.

— Так потому и не было, что мы там стояли, — начал было дядька, но тут же понял, что льёт воду на чужую мельницу. — Погодите, наша часть участвовала в подавлении Венгерского путча...

Чиновник поморщился ещё заметнее.

— В 1956-м, — сказал он с нажимом, — советская армия на территории братской Венгрии боевых действий не вела. Всё у вас?..

Дядька растерянно уставился на чиновника. Не вела?.. А семнадцать советских дивизий, утюживших Венгрию танками? А три тысячи убитых, из которых более полутысячи были нашими?..

— Ну, — сказал он скорее уже для того, чтобы хоть что-то сказать напоследок, — ещё Прибалтика была... Лесные братья...

И тут вдруг чиновник оживился и начал читать дело внимательнее.

— Да, — неожиданно согласился он. — Прибалтика?.. Только знаете что, мы дадим запрос в архивы, недельки через две зайдите.

Так и получил мой дядька статус участника боевых действий. За Прибалтику. Государство, которое отkreцивалось от боевых действий в Венгрии, тем не менее не забывало о войне с собственными союзными республиками. Замалчивало — да, но не забывало!.. Может быть, даже хотело, чтобы там тоже помнили...

Незадолго до шестидесяти дядька собрался, упаковал ружьишко и съездил в те края, где был похоронен его дед.

Усть-Чижапка стояла там же, где и полвека назад. Других населённых пунктов на реке не было по-прежнему. От поселения, созданного во имя революционного переустройства мира, не осталось и следа. Как и от могилы его деда — моего прадеда...

Каргасок, посёлок при впадении Васюгана в Обь, обзавёлся аэропортом. А в остальном... «Ничего там не изменилось, — с какой-то безысходностью обронил дядька и добавил, — Каргасок, Каргасок — тротуары из досок».

Только частушку привёз он из поездки...

А то, что могло с ним случиться во время войны, произошло в мирное время.

После инсульта, прикованный к постели, он лежал в подмосковной муниципальной больничке для бедных.

Его сосед по палате, такой же, как и он, лежачий больной, тайком от всех покуривал по ночам, днём пряча сигареты под матрасом. То ли заснул с сигаретой, то ли потерял сознание — не знает никто... Пока проснулся дрыхнувший медперсонал, пока приехали пожарные, палата выгорела дотла. Трёх её обитателей вместе с моим дядькой хоронили в закрытых гробах...

Но каждый раз, когда удаётся побродить по лесу, я вспоминаю и о нём. Пока глаза настраиваются на грибное виденье, мысли нанизываются одна на другую — как нанизываются на нитку грибы, отобранные для сушки.

Грибы... Семья, в которой, спасибо грибам, никто не умер от голода... Працтуры, чьи могилы разбросаны по огромным пространствам Евразии... И те, кто предпочитал тихой охоте — громкую...

«Блажен, кто посетил сей мир в его минуты роковые...»

А было ли в цепи поколений хотя бы одно, которому повезло прожить без этих самых, Тютчевым воспетых, «роковых минут»?..

март 2012 — июль 2016

Давид ДАНИЛОВ-АБРОСИМОВ

Мининовеллы

Проза

Вероятность

Подлым мужикам надо растянуть живот, как если б они пили вместо пива гороховую брагу. Чтоб их вздувало и тошнило девять месяцев и мерецилось, будто от грибов. Чтоб им засветил гроб. Затем уложить каждого в гинекологическое кресло и протянуть сквозь попу не младенца, но хотя бы теннисный мячик.

Им надо потерять лучшее время: табу на амурь, футбол, друзей и карьеру, вот тогда они представят роды и, возможно, научатся ответственно любить женщин.

Заказ свыше

На земле душа эфемерна. А Там (Наверху, в жизни для Других) она — важная энергия, материализуется в подобие хлеба, пирожного, икры, килограмма огурцов, а может, сахара или канистры бензина.

Потому у нас бесконечные войны.

Искусство выбора

Перед прыжком он храбро сказал: «Сделаю гоп!»

Она заинтересовалась.

Он распустил хвост, поворковал...

Она поверила и выскочила замуж.

Ему нравилось строить прожекты, но на деле терпел фиаско или катился по наклонной.

Она его поздно раскусила и бросила, пытаясь спасти сына и дочь.

Но дети всё чаще болтали: «Гоп, гоп, гоп...»

Удары

Человек бьется головой о стенки материнского чрева и рождается.

Тычется головой в мамины груди.

Сталкивается с миром: мебельными углами, стенами, полом... Закаляется, чтоб выносить колотушки от людей и обстоятельств.

Он станет биться головой в закрытые двери до тех пор, пока не устанет смертельно и не затихнет. А напоследок его еще побьют комьями земли.

Людские истории незavidны, но... бывают любопытны.

Масштабность

Вначале просят игрушку, конфетку, потом лучшую оценку... Выпрашивают теплое места, солнца, мира, любви, льгот... Клячат здоровья, счастья, долголетия... В старости требуют уважения и просят легкого конца.

Всё это мелочно, да и просьбы не всегда уместны, но... многое мне и самому желанно.

Удаль

Кризис 2008-го. Цены на недвижимость рухнули вдвое. Преданная супругу несчастная женщина продает свою квартиру: «Никогда бы не стала продавать, но муж взял кредит. Хочу помочь выплатить долг. И зачем ему этот дорогуший джип?!»

Вскоре грянула война в Украине. Стоимость жилья упала еще втрое. Торговля на нуле. Едва удержали границы, пальба на передовой, и вдруг подскочили продажи новых импортных авто!

С чего такая прыть?

Крутая тачка, «второй дом», кровать на колесах —

часто купленные на последние деньги — необходимы мужикам для дела, для сокрытия личной ущербности, для позерства, для соблазнения девиц, а то и для проституток. Иногда мужики обделяют своих детей, чтоб сэкономить на развлечениях.

Вопреки всем бедам, люди стремятся к счастью. Гражданин! Блестяще жить не грех, но в ущерб родным — грех блестяще жить!

Выгода

— Отец, ты жив?

— Жив.

— А почему перестал звонить? Прячешься?

— Думаю, ты ждёшь моей смерти, чтоб получить наследство.

— Ты так думаешь, потому что никогда ничего не делал для меня. Мы всего дважды встречались. Но неважно. Я очень рад, что ты живой. И дети у долгожителей обязаны жить долго.

Отец шагал по жизни с размахом: от консерваторского образования и журналиста в Чернобыле — до директора завода. Состарился. Стал собственностью второй семьи. Теперь его мир сузился.

— Ждёшь ты моей смерти.

— Тебе хочется так думать, мучает тебя совесть. В основе родства — любовь, это главное. Но я тебя понимаю, а ты меня — нет.

Новый Рим

Началось с паломников. По двадцать раз на дню меня спрашивали характерным русским говорком: «Как пройти?..» Харьков наводнял несчётный турист: невзрачная молодежь, бедно одетые бабы и деды зашкаливающего возраста. Россияне, не зная, как пользоваться

турникетами, создали пробки у входов в метро. Умножили очереди в магазинах, скупая дешёвые продукты. Стало понятно: заезжает массовка для предстоящего митинга на площади Свободы.

Видел я много примитивных и озверелых лиц. Особенно в день, когда Харьков стал «Римом». Варвары 2014-го, с дубинами и кастетами, под красными коммуно-российскими флагами рвались озверевшей толпой по Сумской, со стороны парка Горького, к зданию администрации.

Возле памятника Ленину всегда было тесно от кривоблудия. Под истуканом коммунисты укрепляли дух паломников на захват ОГА, на издевательства и избиение украинских патриотов.

Я наблюдал вблизи подготовку и начало штурма ОГА. Часы чужаков показывали московское время. Они ждали сигнала, примерялись к высокой кованой ограде. От них веяло мраком, злостью и безнаказанностью дурной силы.

Пришельцы кучковались по центру города, харкали, мочились по углам, рычали: «Харьков — это Россия! ХНР...»

Закипая от бессилия, я стыдливо проходил мимо. Московия утверждала дубиной свою роль доярки Украины.

С губернатором и дельным министром МВД харьковчанам тогда здорово повезло. Столкнувшись со спецназом, варвары рассосались, бросив местных титушек.

Рим устоял.

Обошлось без массовых убийств и грабежей, отделились малой кровью.

Пал советский идол.

Но надо чувствовать кожей, помнить спинным мозгом: мы граничим с апокалипсисом.

2016 г.

Світлана ТИМКО

Доля заробітчанки

Хлопець Євгеній ішов вулицею міста в надвечірній час. Йому було сумно.

Сонце ховалося за високими будинками, і тільки червона заграва свідчила, що воно ось-ось щезне за горизонтом.

Євгеній пригадав, як п'ять років тому (а здається, що пройшла вічність) о цій порі він чекав Олю в скверику неподалік їхніх будинків. Дівчина визирнула з вікна четвертого поверху і відразу зникла. Останні сонячні промені освічували вікна, і він бачив, як Оля з'являлася у кожному вікні під їзду, збігаючи з поверху на поверх, поки не вибігла з вхідних дверей. Це було їхнє перше побачення. Він взяв її руку і ледве втримувався, щоб його рука не тремтіла від хвилювання: дівчина, яка йому подобалася, була поруч. Щастя переповнювало серце. Попереду ціле життя: безхмарне, прекрасне, квітуче.

Того року вони закінчили школу. На випускний вечір чомусь прийшов її батько, гукнув Олю і повів за собою. Сподіваючись, що це на кілька хвилин, Оля пішла слідом, навіть не озирнувшись. Не знав тоді Женька, що їх чекає довга розлука.

Десь за тиждень приїхав батько Жені і забрав з собою у Крим на заробітки. В першу ж відпустку хлопець летів додому і найперше побіг до того будинку, де жив раніше. Квартиру тут батьки продали і купили в передмісті

меншу, щоб дешевше було за неї платити. Теж саме зробили і більшість їхніх сусідів. Поступово багатші витіснили бідноту з квартир на центральних вулицях.

Юнак ходив по скверику, сидів на лавочці перед будинками і тільки наприкінці дня дізнався, що Оліні батьки теж продали квартиру і виїхали. Більше того, Оля нібито вийшла заміж за багатого американця і виїхала жити до нього. В цю версію Женька не вірив, знав: дівчина мріяла вчитись. Як вони тоді любили мріяти! Оля мріяла про медінститут, в неї хворів тато. Дівчина була впевнена, що вивчиться і вилікує тата, а потім ще багато-багато чийхось батьків, адже кожній дитині хочеться, щоб тато і мама були здорові.

Женя підтримував її мрії:

— Оленько, ти будеш лікарем, та ще й видатним. Вірю: ти і мого тата вилікуєш. Ти ж добра, терпляча, співчутлива. Бачу: ти і мого тата жалієш. У нього слабке здоров'я. Я сам хотів його вилікувати, просив, щоб займався зі мною спортом: бігав, боксував... До того ж я бажав навчатися далі... Проте тато не вірив, що спорт загартовує людину. Мама ж зразу відвела в спортивну школу вчитись плавати. За рік я відчув себе, як риба у воді...

Хлопець пригадав свої слова і мимоволі озирнувся, ніби хотів запитати:

— Олю, ти пам'ятаєш наші мрії? Не збулися!

Тато змушений був „лікуватися”, тягаючи каміння на чужих будівництвах. Женя був біля тата. З кожним роком його мрії відлітали, як пелюстки з відквітлого дерева. Грошей на навчання вони так і не заробили. За всі п'ять відпусток так він нічого нового про Олю і не дізнався. Оце востаннє за цю відпустку іде він до колишнього будинку, щоб ще раз пережити в уяві ті щасливі дні своєї юності, коли Оля була поруч...

Сутеніло. Юнак був у темних окулярах і вже намірився скинути їх, та раптом зупинився. Від несподіванки затремтіли ноги. Неможливо було повірити: йому назустріч йшла... Оля. Легенька світла сукня, розпущене біле волосся, тоненька талія і стрункі ніжки — все ніби тоді, на випускному балу. Він рушив назустріч, і, розкинувши руки, вирішив затримати дівчину, нехай це є хоч і видіння.

Дівчина зіштовхнулася з хлопцем і звернула вбік, та він знов став перед нею.

Вона підвела голову і сказала обурено:

— Молодий чоловіче, що ви собі дозволяєте?

Юнак повільно зняв окуляри.

Дівчина на мить завмерла від подиву.

— Женья? — сказала невпевнено і кинулася йому в обійми.

— Олю, мила, найкраща, найрідніша, де ти поділася? Чому я не міг тебе знайти? Скажи, це ж неправда, що ти вийшла за багатого американця і виїхала з ним?

— Неправда, — дзвінко сміялася дівчина, — всі ці п'ять років я вчилася в Німеччині. Ти не уявляєш, як мені було важко...

— Олю, як ми не розминулися, як зустрілися? Це просто диво — адже мені завтра треба їхати!.. А ти, Оленько, така, як і була.

— А ти, Женью, зовсім не такий. Ти ж був хлопчисько, а тепер... дядько. Які в тебе широкі плечі. А руки!.. Я злякалася, що не вирвуся, коли ти мене вхопив! І тільки очі ті самі: сині-сині...

— Оленько, давай заїдемо в кафе, посидимо, поговоримо... Я не хочу більше тебе втрачати. Нізащо!

Дівчина молитовно звела на нього очі:

— Якби це було можливо... Я теж не хотіла б тебе втрачати. Женью, яка я рада, що тебе зустріла, ти не

можеш собі цього уявити. Запам'ятаю цю зустріч на все життя. Ти для мене такий важливий, що не можна пояснити словами...

Вони сиділи в кафе і, тримаючись за руки, милувались одне одним.

— Ти для мене, — продовжувала Оля, — найкращий... — Дві сльозини викотилися з її очей і побігли по щоках, лишаючи мокрий слід. — Женю, пробач, я не могла сказати відразу, не змогла засмутити тебе. Я приїхала сюди по документи. Завтра вранці мій поїзд. У мене за тиждень весілля. Батьки вже там.

— Хто він? — дивним, чужим голосом запитав юнак.

— Він українського походження, народився там, у Німеччині, ми разом навчалися.

— Він багатий?

— Так. Багатий. У них з батьком своя фірма. Але, Женю, — дівчина віддано заглянула йому в очі, — якщо ти скажеш...

Юнак взяв її руку і притис до своїх губів:

— Ні, Оленько, ні... Мила моя, я нічого не можу тобі дати, в своїй країні я жебрак, обдурений і обкрадений спритнішими за мене. Поки я виріс, у мене вкрали все, навіть долю. Я заробітчанин. Мені сьогодні заплатять за мою працю, а завтра можуть і не заплатити. Олю, наші з тобою діти не ходитимуть по нашій землі, а твої нехай будуть щасливі, нехай ніколи не пізнають те, що я пережив у свої двадцять три роки...

Тримаючись за руки, Женя з Олею зустріли ранок. Сонце вставало чисте та ясне, немов умите вранішньою росою, нагадуючи, як швидко плине час...

Поїзд рушив, в останню мить роз'єднавши дві руки, два життя, дві долі...

Минуло кілька днів. У великому хرامі, який гордо

підніс до синього неба золоті хрести, вінчалася молода пара.

Пишно одягнені гості та батьки схвильовано дивилися на молодят.

Високий, аж надто худий жених розчулено дивився на свою наречену, ніби не міг повірити своєму щастю.

Наречена у білосніжній весільній сукні в зажурі схилила голову. Світло свічок виблискувало на коштовних прикрасах, що оповивали білу зворушливо-ніжну шию, підкреслювали тендітну юну вроду дівчини.

Дивлячись на неї, хотілося вірити, що ангели іноді спускаються з небес на землю.

Священик звернувся до дівчини німецькою мовою, із звичними словами. Наречена мову знала чудово, вона кивнула головою на знак згоди і простягнула руку, щоб жених надів їй на палець обручку.

В цю мить вона глянула на нього — і в неї запаморочилося в голові: крізь туман, що застелив їй зір, з її пам'яті виринув образ коханого.

— Женья? — ледь ворухнулися її губи, і вона схитнулася, непритомніючи. Наречений ледь встиг підтримати її.

Хтось з гостей турботливо подав йому склянку з водою.

Церемонія вінчання скінчилась, молодята й гості вийшли з храму, сіли в автомобілі і поїхали святкувати далі.

Українська дівчина Оля Болюк на чужині зустріла перший день свого подружнього життя сльозами...

В цей час, за тисячу кілометрів від цих подій, хлопець подавав каміння і розчин на садибі міського багатія, де розпочиналося будівництво великого гарного будинку. Юнак кидався на каміння з такою люттю, ніби це були його запеклі вороги. Врешті один камінь вис-

лизнув з його рук і гострим блискучим виступом боляче вдарив по нозі.

Юнак підняв вдарену ногу — шкарпетка була в крові.

— Олю, — тихо прошепотів, — якби ти була поруч, мені не було б так боляче...

...Проїшов рік. Юнак повернувся в рідне місто і знов прийшов до будинку, де пройшла юність, довго сидів на лавці, з якої було видно вікна колишньої Олиної квартири. Спогади зігрівали його серце. Рівно в одинадцять він підвівся і попрямував до опозиційного штабу. Там його чекав однокласник. В цей день у місті відбувалася акція протесту проти влади, яка породила у своїй країні мільйони безробітних та заробітчан.

Хлопці взяли прапори і приєдналися до мітингувальників.

— Геть долю заробітчанина! — вигукнув Женья і міцніше стиснув прапор. Сонце визирнуло з-за хмар, залило все навкруг ясным промінням і позолотило жовто-блакитні прапори, ніби підтримуючи багатотисячний мітинг, який заповнив вулиці міста.

ЛІТЕРАТУРНИЙ АЛЬМАНАХ

Драматургія

Кеннет КРАУСС (США)

Прочь из ниоткуда

Перевод Павла Босого

КОМЕДИЯ В ДВУХ ДЕЙСТВИЯХ

Спектакль для взрослых
(фрагмент)

ДЕЙСТВУЮЩИЕ ЛИЦА

(в порядке появления)

Рудольф, король Карпатии, около 40 лет

Александр, царь Бессарабии, за 60 лет

Йоланда, великая герцогиня Галиции, за 70 лет

Кайзелхарт¹, за 50 лет

Д-р Мари-Луиза Наполеон, психиатр, за 40 лет

Карло Манцо, охранник, под 30 лет

Бутч Бигелов², звезда немого кино, под 30 лет

Время действия — весна 1928 года.

Оранжерея в Розентрауме где-то в Альпах. Ранний апрель, утро. Стена в глубине сцены представляет собой огромное окно от пола до потолка. Шторы раздвинуты и открывают вид на заснеженные горы и облачное небо. В центре окна — французские двери в сад, по обеим их сторонам — громадные канделябры с незажжёнными свечами.

¹ Ударение на первом слоге — здесь и далее прим. перев.

² Ударение на первом слоге

Двери слева ведут в приёмный покой, справа — в жилые помещения. Впереди, в центре, посередине воображаемой стены между сценой и зрителями, — портрет молодого человека над воображаемым камином, обозначенным красной подсветкой.

Рудольф полулежит в шезлонге. Это привлекательный мужчина в трауре. На сюртуке — несколько орденов, галстук заколот драгоценной булавкой с необычно большим камнем. Он разглядывает портрет и насвистывает, неожиданно начинает говорить, обращаясь к портрету. В его речи слышен иностранный акцент.

Рудольф. Знаете, старина, сегодня утром я чувствую себя так дурно, словно произошло что-то значительное, хотя я уже и не жду ничего подобного. Наверное, что-то вот-вот случится. Как вы думаете, Йозеф?

Неожиданно справа входит Александр, седой мужчина в длинном пальто и шляпе-котелке. Медленно пересекает сцену и останавливается в центре, разглядывая Рудольфа, затем переводит взгляд на портрет. Он говорит с русским акцентом.

Александр. И что вы в нём нашли?

Рудольф. Всё.

Александр. Это потому, что вы никогда его не видели.

Рудольф. А ваше императорское величество его знавали?

Александр. Принца Йозефа? Лично — нет.

Рудольф. Тогда как же вы, мой дорогой царь, можете судить о том, что я чувствую по отношению к нему?

Александр (проходит вперёд к очагу). Ходили слухи... вся Вена в те дни была полна ими — и я слышал из первых рук...

Рудольф. И о чём же, осмелюсь спросить, Александр, вы слышали из первых рук?

Александр (греет руки у огня, глядя на картину). Что он любил надевать женское белье, отдавал предпочтение корсетам, особенно изделиям из чёрного кружева...

Рудольф. Уверен, в чёрном кружеве он был особенно очарователен, определённо, комплекция позволяла ему это.

Александр (поворачивается, чтобы согреть спину). Также были слухи насчет увлечения поркой: портной, который часто приходил во дворец на примерки, говорил, что полк Йозефа всегда стоял на часах, поскольку был не в состоянии сесть...

Рудольф. Александр, прошу вас! То вы хотите, чтобы я ненавидел его за то, что он притворялся бабой, то рассчитываете, что я буду презирать его за извращённость. Но это же просто слухи. Затем, если то, что вы сказали — правда, это только заставляет меня обожать этого парня ещё больше.

Александр (спиной к публике расстегивает пальто). Сложность в том, что вы по ту сторону извращённости! Это вас абсолютно не шокирует... *(Медленно открывает полы пальто перед Рудольфом.)* А это вас впечатляет? Хоть немного?..

Рудольф (переводит взгляд с портрета на торс Александра). Вам следует знать, ваше императорское величество, что это скорее угнетает меня.

Александр. Угнетает?

Рудольф (переводя взгляд на картину). Боюсь, что да.

Александр. Это никогда никого не повергало в депрессию. Крики, вой, дикие рыдания — да, но депрессия? Никогда! Наверное, это хороший знак.

Рудольф. Да, видимо, вам следует расценивать это именно так.

Александр. Определённо здесь тянет холодом. *(За-*

пахивает и застёгивает пальто). А где эта доктор Как-её-там? (Поворачивается, протягивает руки к огню.) Не пора ли ей начать надоедать вам нескончаемой предобеденной серией вопросов?

Рудольф. Похоже, она опаздывает на наш сеанс психоанализа.

Александр (проходит налево; похоже, он знает больше, чем говорит). А! Наверное, что-то произошло. Наверное, что-то случилось.

Рудольф. Она уже заходила в поисках синьора Манцо.

Александр. Ах, синьор Манцо!

Рудольф. Мне в жизни не догадаться, что вы находите в этом мохнатом насекомом.

Александр (у левых дверей). А мне он скорее напоминает Нижинского. (Выглядывает в двери.)

Рудольф (вполголоса). Что-то видно?

Александр. Что?

Рудольф (громче). Я сказал — что-то видно?..

Александр. Шшш! Они слышат...

Внезапно двери распахиваются. На инвалидном кресле въезжает Йоланда, дряхлая старуха, одетая в элегантное послеобеденное платье с глубоким декольте, модное тридцать лет назад. Кресло катит Кайзелхарт, крупная женщина, с виду конченная замухрышка: простые блуза и юбка, тяжёлая обувь. Они продолжают свой вечный спор, Йоланда говорит с сильным венгерским акцентом, Кайзелхарт — с сильным немецким.

Йоланда. Дикость! Совершенно абсурдная мысль!

Вы, должно быть, галлюцинируете!

Кайзелхарт. Я не галлюцинирую! Я не способна галлюцинировать!

Александр (закрывает дверь, зло). Дамы! Дамы, держите себя в руках! Вы слишком шумите!

Йо л а н д а. Это правда, галлюцинации требуют воображения, которого вы полностью лишены!

К а й з е л х а р т. Я вижу только то, что есть: то, что просто, то и ясно. В этом случае я доверяю моим ощущениям, я не вашим словам!

Йо л а н д а (*подъезжая к центру сцены*). Что вы знаете?! (*Рудольфу*). Руперт, скажите ей, что она совершенно сошла с ума!

Р у д о л ь ф. Я хочу напомнить Её высочеству — сегодня в первый раз, — что моё имя — Рудольф.

Йо л а н д а. Не имеет значения! Это не имеет отношения к нынешнему разложению Кайзелхарт — а может, и имеет.

Р у д о л ь ф. И на какие же элементы вы разложились, моя милая Кайзелхарт?

К а й з е л х а р т. Я вам не милая! Я просто отметила, что когда мы были в ванной сегодня утром, то я слышала, как кто-то напевал.

Йо л а н д а. О, в ванной! Принимали ли вы её когда-нибудь?

А л е к с а н д р. Наверное, этому есть простое объяснение: где-то тут есть кто-то, кто на заре расположен припоминать крестьянские напевы, памятные с детства. (*Начинает напевать славянскую народную песню.*)

Йо л а н д а. Предельно простое объяснение, Альфред...

А л е к с а н д р. Алекс! Сколько раз, Йоланда, нужно говорить это вам? Алекс!

К а й з е л х а р т. Это было не на заре и звучало совсем не как эта ваша мелодия. И затем, это было по-английски.

Йо л а н д а (*Рудольфу*). Какое хамство с вашей стороны — глазеть на этот отвратительный портрет, когда мы пытаемся общаться, Роберт!

Р у д о л ь ф. Рудольф!

К а й з е л х а р т. Я попытаюсь припомнить, как она звучала — эта песня...

Й о л а н д а. И кроме того, что бы вы там ни разглядели на этой картине — это за пределами понимания!

Р у д о л ь ф. Совершенно за пределами вашего понимания...

К а й з е л х а р т (*внезапно начинает петь*). «Ничего на свете лучше нету, чем быть в Каролине на рас-свете...» Да, вот так. Что такое «Каролина»?

А л е к с а н д р (*похотливо*). Это так очевидно — имя женщины!

К а й з е л х а р т (*обдумывая; затем изумленно*). Это отвратительно! Вы отвратительны!

Й о л а н д а. Вы так легко отвращаетесь — замечали ли вы это, Кайзелхарт?

А л е к с а н д р (*расстегивает пальто, затем открывает его в сторону Кайзелхарт*). А это отвращает вас, Кайзелхарт?

К а й з е л х а р т (*поворачивается к нему; шокирована*). Вы — дегенерат! Вас следует запереть под замок!

Й о л а н д а (*устало*). Каждый это видел и знает, как это выглядит, Алвин. Боже мой, ну чего вы глазете на этот портрет, Родриго?!

А л е к с а н д р (*застегивая пальто*). Алекс!

Р у д о л ь ф. Рудольф...

Слева входит М а р и - Л у и з а Н а п о л е о н , милая женщина в хорошо сшитом костюме. Похоже, она пытается выглядеть как можно более непривлекательно. Волосы собраны сзади, на носу — пенсне. В руках она держит записную книжку. Как и Рудольф, она говорит с легким акцентом.

А л е к с а н д р (*не замечая появления Мари-Луизы, делает несколько шагов к центру; в ярости*). Ну, Йоланда, склеротичная старая перечница, вы знаете,

как «это» выглядит? Как бы вам понравилось про-
снуться ночью и увидеть «это» покачивающимся перед
вашим морщинистым старым лицом, а? Помните
тогда «Алекса»?

М а р и - Л у и з а (*успокаивающе*). Алекс, не время ли
возобновить инъекции?

А л е к с а н д р (*поворачивается; неожиданно уми-
ляется*). Дорогая доктор, это лишь маленькая шутка,
не правда ли, Йоланда?

Й о л а н д а. Что, ко всем чертям, вы имеете в виду, Ал-
фонсо?

М а р и - Л у и з а. Вы знаете, который час?

Й о л а н д а. Не пора ли обедать?

К а й з е л х а р т. Доктору пора начинать работу. (*По-
ворачивает кресло Йоланды.*) А нам пора возвра-
щаться наверх. (*Делает несколько шагов в сторону
Мари-Луизы.*) Однако, доктор, я отчётливо слышала,
как кто-то пел сегодня утром...

М а р и - Л у и з а. Алекс любит петь по утрам...

К а й з е л х а р т. Но кто-то пел про Каролину!

М а р и - Л у и з а (*удивлена; переводит взгляд с од-
ного на другого*). Каролина?

А л е к с а н д р. Дама из дома с дурной репутацией!
(*Прочищает горло, затем напевает на славянскую
мелодию.*)

«Тили-тили-тили день,
В Каролине — трижды в день.
Да, она ещё мала,
Но она ведь мне дала!»

К а й з е л х а р т (*снова шокирована; увозя Йоланду
направо*). Ах! Этот человек отвратителен! Вам следует
вести ему всё, что у вас есть! (*Увозит Йоланду на-
право.*)

А л е к с а н д р (*направляясь направо*). О, Кайзелхарт,
взгляните на это!

М а р и - Л у и з а (*Александр, который уже почти вышел*). Помните, Александр, что веронал уже в шприце...

А л е к с а н д р поворачивается, смиренно кланяется и убегает. М а р и - Л у и з а вздыхает, проходит к дверям, закрывает их и подходит к креслу справа. Усаживается, открывает записную книжку, достаёт из-за уха карандаш. Пауза.

М а р и - Л у и з а. Ну-с, с чего начнём сегодня?

Р у д о л ь ф. Я снова видел один из этих снов.

М а р и - Л у и з а. О? Что же произошло в этом сне?

Р у д о л ь ф. Я подумал... Наверное, мне не хотелось бы говорить об этом.

М а р и - Л у и з а. Если вы не хотели об этом говорить, почему же вы с этого начали? (*Пауза.*) Что же происходило в этом сне?

Р у д о л ь ф. То же, что и всегда.

М а р и - Л у и з а. Опишите это.

Р у д о л ь ф. Я уже описывал это вам. Неоднократно.

М а р и - Л у и з а. Но, видите ли, то, что известно в психоанализе как навязчивые сновидения...

Р у д о л ь ф. Это известно как навязчивый сон потому, что он повторяется! Это всё тот же сон, снова и снова!

М а р и - Л у и з а (*терпеливо*). Я как раз собиралась сказать, что когда навязчивый сон повторяется, он никогда не бывает одинаковым. Всегда бывает, даже слабое, отклонение, различие, которое индивидуально характеризует мириады самопроявлений.

Р у д о л ь ф. Вздор!

М а р и - Л у и з а (*листая записную книжку*). Вовсе нет! Как давно вы начали рассказывать мне об этом сне?

Р у д о л ь ф. Как только я прибыл сюда.

М а р и - Л у и з а. Почти девять лет.

Рудольф. Господи! Это же... Сколько? Весна...

Мари-Луиза. В первую пятницу апреля 1928 года будет девять лет.

Рудольф. Боже правый! И у меня появились эти сны...

Мари-Луиза (*проверяя по записной книжке*).

Ровно через неделю после того, как вы... поселились здесь в Розентрауме.

Рудольф. Поселился — хорошо сказано. Вам замечательно удаются эвфемизмы. Постойте, я никогда не отмечал и малейших вариаций в этом сне.

Мари-Луиза. А я отмечаю.

Рудольф. Вы ужасно наблюдательны — правда, это ваша работа, не так ли?

Мари-Луиза. По праву, это ваша заслуга.

Рудольф. Спасибо. Я, с одной стороны, пациент: невинный, невежественный, и, вы правы, достаточно заблуждающийся. Вы, с другой стороны, «шизиатр»: образованная, опытная, притязающая на здравый ум.

Мари-Луиза. Я вынуждена постоянно напоминать вам: я, по профессии, не «шизиатр», а доктор психиатрии...

Рудольф. У вас действительно талант к эвфемизмам! Я бы хотел научиться говорить так же иносказательно, как и вы.

Мари-Луиза (*невозмутимо, возвращаясь к записной книжке*). Как я собиралась сказать, если бы вы были таким же добросовестным пациентом, как я — врачом, вы могли бы заметить определённое развитие за время появления навязчивого сновидения. В декабре 1919-го фигура с портрета оживала полностью одетой — какой мы видим её на картине. Однако в июне 1920-го принц Йозеф сбрасывает свой плащ, доломан и каску и сходит с холста в сорочке и штанах. К концу 1921-го он теряет бельё и является абсолютно

нагим. Где-то летом 1923-го он обнимает вас. Годом позже это сопровождается поцелуем, который в течение двух лет становится интенсивнее и продолжительнее. Мы обнаруживаем, что вы оба осенью 1927 страстно обнимаетесь, ласково и нежно дотрагиваясь друг до друга — к этому времени вы уже целый год без одежды...

Рудольф. Удивительно, как я не подцепил простуды. Мари-Луиза (*игнорируя шутку*). И в последние одиннадцать месяцев вы весьма приблизились к оргазму.

Рудольф. Прошу вас...

Мари-Луиза (*нейтрально*). К оргазму. Эякуляции.

Рудольф. Боже правый, ну вы же можете сказать это, не называя этого.

Мари-Луиза. Почему слова, которые я использую, так тревожат вас?

Рудольф. Наверное, из-за того, как вы это говорите.

Мари-Луиза. И как я говорю их?

Рудольф. Абсолютно без интонации, как если бы они вообще ничего не значили.

...

Неожиданный стук в двери слева. Мари-Луиза поднимается, делает движение к дверям, но появляется Карло Манцо, начальник охраны замка, — красивый мужчина, сложенный, как борец, одетый в бушлат поверх коричневого костюма. Он входит несколько боязливо, совсем не похож на отъявленного негодяя. Его акцент сильнее, чем у Рудольфа и Мари-Луизы.

Манцо (*снимая шляпу*). Извините...

Рудольф (*поглядывая на Манцо*). Конечно, бывают люди, появление которых ночью не приносит удовольствия...

Манцо (*низко кланяясь Рудольфу*). Ваше величество милостиво простит меня...

Рудольф. Как, впрочем, и днём (*укладывается
опять в шезлонг*).

Мари-Луиза (*тем временем подходя к Манцо
слева*). Я же говорила вам, Карло, что вам нельзя вхо-
дить в это комнату, если только вы...

Манцо. Доктор, пожалуйста, здесь что-то... кто-то...
(*Шепчет что-то Мари-Луизе на ухо.*)

Мари-Луиза (*нервно*). Вы уверены?

Манцо. Три следа лыжников... И сигаретные окурки...
И обёртки от того, что американцы называют «жвач-
кой».

Мари-Луиза. Такого никогда не случилось раньше.
Когда Гуго был здесь, до минувшего Рождества,
никто, никогда... Ни разу за девять лет! А сейчас я
даже не могу вспомнить, кому следует позвонить. В
Швейцарию? Италию? Австрию?

Манцо. А если в Лихтенштейн?

Мари-Луиза (*нетерпеливо*). Нет, они не вмеша-
ются в таких случаях. Лишь при пожаре я должна
звонить в Лихтенштейн.

Рудольф. Это легко устроить...

Мари-Луиза. Это скорее Австрия — для... для не-
жданных посетителей... (*Рудольфу.*) Я лишь на ми-
нуту. (*Выходит налево.*)

Манцо (*нервно*). Ваше величество...

Рудольф. Ну, так что там насчет этих окурков?

Манцо. Наверное, заблудившиеся. Ваше величество,
могу я?..

Рудольф. Как вы думаете, могут они представлять
правительство в изгнании и прибыть с целью вернуть
меня на мой трон?

Манцо. Правительства в изгнании не прибывают на
лыжах...

...

Незамеченная Рудольфом фигура приближается и
превращается в красивого мужчину, одетого в полную

форму кавалериста Австрійської імперії 1870-х років, завершєнну каскою і плащом. Он с підозрінням озирается, явно дрожа от холода, затем открывает французские двери, просовывает голову в комнату. Он говорит высоким голосом с американским акцентом.

М у ж ч и н а. Простите...

Р у д о л ь ф (вскочив от неожиданности, затем повернувшись). Да? (Замечает сходство мужчины с человеком с портрета — принцем Йозефом; по мере его приближения Рудольф пятится налево, переводя взгляд с лица гостя на картину над камином.)

М у ж ч и н а (стоя в дверях, нервно). Простите, могу я зайти на минуту? (Входя в комнату и закрывая дверь за собой.) Похоже, я заблудился. Я уже пять часов брожу. Понятия не имею, где я. В тот момент, когда я заметил это место с той горы, я сказал себе, что было бы неплохо остановиться здесь, поискать кого-нибудь, кто мог бы помочь. Это место выглядит как укрепленный замок, где герой укрывается от огнедышащего дракона. (Оглядывается на окно; робко проходит к Рудольфу.) Наверное, мне не следовало бы появляться вот так, без предупреждения, но я нуждался в помощи. Знаете, на съемочной площадке я чувствовал себя так скованно, все роились вокруг меня, как осы. Ну, как только я вышел из костюмерной, я сказал себе, Бутч, старина, в костюме или не в костюме, улєтєтывай отсюда поскорей на ближайший хребет и взгляни вниз. И как только я отправился в путь, я уже не смог остановиться... Думаю, вы должны знать, кто я.

Р у д о л ь ф. Похоже, вы — принц Йозеф Австрийский... покойный принц Йозеф Австрийский. Боже правый, я вижу сон?

М у ж ч и н а (следует за Рудольфом; смеётся).

Принц Йозеф? Вау, это тот парень, под которого меня загримировали. Но я уверен, вы видели меня до того... (Подает руку.) Бутч. Бутч Бигелов. Вы видели «Побег из Эль-Пасо»? «Месть бесстрашной четвёрки»? Может, вы помните меня в «Любви на мчащемся поезде»... С Полой Негри? Бутч Бигелов... Да, наверное, вы не видели мои картины, мистер, но вы будете так любезны, чтобы пожать мне руку?

Р у д о л ь ф (пожимает руку Бутча). Простите мою медлительность — это шок, а не желание обидеть. Это потому, что вы... (Указывает на портрет.)

Б у т ч (глядя на картину). Да, я... (Изучает портрет.) Не тот ли это парень, которого я взялся играть?

Р у д о л ь ф. Совершенно. Вы — двойник! Это просто фантастика, трудно поверить...

Б у т ч. Эй, не подумали ли вы, что старина принц Йозеф встал из могилы, а?

...

Р у д о л ь ф. Давайте, ешьте. Надо сказать, было не легко вынести это из столовой. К счастью, Алекс обожает отвлекать на себя внимание. Ну, вы знаете царя! (Бутч смотрит на него вопросительно.) Какой же я дурак! Я же по-настоящему не представил ни себя, ни других! Вы знаете, что меня зовут Рудольф, но вы, видимо, не подозреваете, что на самом деле я — король Рудольф, король Карпатии. (Принимает королевскую позу.)

Б у т ч (за едой). Вы сказали, король... чего?

Р у д о л ь ф. Карпатия — это простиралось между нынешней Венгрией и Румынией.

Б у т ч (за едой). Простиралось?

Р у д о л ь ф. До войны. Фактически, до самого конца войны, когда президент Вильсон прибыл в Париж и провозгласил, что, обеспечивая защиту демократии,

ликвидирует маленькие королевства и тому подобное. Поэтому я переехал сюда.

Б у т ч (за едой). И где же мы сейчас?

Р у д о л ь ф. Прекрасный вопрос: с формальной стороны, вы в настоящий момент нигде.

Б у т ч (за едой). А выглядит как где-то...

Р у д о л ь ф. Не стоит быть так в этом уверенным. В соответствии с неопубликованным протоколом Версальского договора, этот замок, называемый здесь Schloss Rosentraum, находится на земле, которая не принадлежит ни одной стране. Это, конечно, особенный дом, построенный королём Людвигом Баварским для австрийского принца, к которому он испытывал сильную страсть — нечто вроде навязчивой идеи, на самом деле. (Указывает на портрет.) Я вижу, вы смущены — и по понятной причине. Позвольте мне попробовать найти в этом какую-то логику. Война прошла, карту Европы перекроили, и, создавая эти упорядоченные новые нации, государства, дипломаты решили уничтожить все мешающие, миниатюрные княжества, существовавшие столетиями.

Б у т ч (за едой). Как эта Карпатия?

Р у д о л ь ф. Именно. О, некоторые из них сложно искоренить. Сан-Марино, например; но Сан-Марино всегда была республикой, поэтому ваш президент Вильсон решил, что её стоит сохранить. Затем были Монако и Андорра, тихие, безобидные маленькие княжества, о которых, казалось, даже картографы забыли.

Б у т ч. А ещё Лихтен...бург?

Р у д о л ь ф. Да. Фактически Лихтенштейн смог выжить благодаря нам: все на парижских переговорах решили, что Лихтенштейн будет прекрасным прикрытием. Каждому, кто наткнётся на это место, вот как вы, например, можно сказать, что это просто часть Лихтенштейна.

Б у т ч (за едой). Но это не так?

Р у д о л ь ф. О, уверяю вас, нет. Боюсь, это наша судьба. Мы, бывшие мелкие коронованные главы Европы, застряли здесь, в крепости, которая стоит абсолютно и недвусмысленно Нигде.

...

Вечер того же дня. За окном в глубине сцены — яркое голубое небо над сияющими снежными вершинами. Чистый, белый свет струится сквозь стёкла. В течение сцены свет будет угасать, меняясь от розового к фиолетовому.

При поднятии занавеса М а р и - Л у и з а , одетая как в предыдущей сцене, крепко спит в шезлонге. Её руки и ноги связаны, рот заткнут кляпом. М а н ц о , связанный так же, в простыне, уложен в кресло слева от шезлонга; его глаза широко открыты.

...

Б у т ч подходит к креслу слева от шезлонга, садится, ожидая. Внезапно М а р и - Л у и з а открывает глаза и, распрямляясь, садится в шезлонге, упорно глядя на Бутча, пытается сказать ему что-то сквозь кляп.

Б у т ч. Ах, мадам, я не хотел этого. Я просил их не связывать вас и не давать вам снотворного. Слушайте, если я выну кляп, вы обещаете не орать? Кивните головой, если вы обещаете...

Мари-Луиза кивает головой. Бутч отвязывает кляп.

М а р и - Л у и з а (слабо). Спасибо. Я чрезвычайно благодарна вам. Не могли бы вы развязать веревки на руках и ногах?

Б у т ч. Нужно попросить разрешения у короля Рудольфа.

М а р и - Л у и з а. А, «король» Рудольф. ... Должно быть, это вас искали вчера те американские господа?

Б у т ч. Да.

М а р и - Л у и з а. И вы выглядите так, потому что вы играете роль принца Йозефа в фильме, я права?

Б у т ч. Точно.

М а р и - Л у и з а. Я соображаю с трудом: моя голова разрывается на куски!

Б у т ч. Это колёса. Его величество сделал вам пару укол-лов, чтобы усмирить вас.

М а р и - Л у и з а. «Его величество»... Я думаю, вам лучше присесть. Нам нужно кое-что обсудить. Не знаю, как начать разговор об этом; на самом деле я не хочу вообще об этом говорить, но ситуация требует решительных мер. Я собираюсь нарушить конфиденциальность, которую обещала моим пациентам. Вы обещаете, что всё то, что я сейчас расскажу, останется в стенах этой комнаты?

Б у т ч. Слово чести!

М а р и - Л у и з а. Вы говорили о «короле» Рудольфе и называли его «величеством»; я предполагаю, это потому, что Рудольф открыл вам, что он — король.

Б у т ч. Именно. Король Карпатии.

М а р и - Л у и з а. Рудольф был учителем географии в гимназии в Бухаресте. Семья прислала его сюда, поскольку у него случился нервный срыв. Кажется, его и одного молодого человека, недавнего выпускника, за-стали вместе в парке занимающимися... ну, вы знаете, чем иногда занимаются молодые люди — в парках. Это происшествие вызвало сильное потрясение, в результате которого развилась мания. Он считает себя низложенным монархом мифической страны. Клинический термин — мегаломания, мания величия... Здесь это не прекратилось. Мания величия позволяет Рудольфу придумывать титулы другим пациентам. Так, например, Александр, торговец коврами из Центральной Азии, стал царем Бессарабии, а Йоланда, содержательница

самого процветающего борделя в Будапеште, была пожалована титулом Великой герцогини... чего?.. Кажется, на этой неделе это Галиция. Йоланда, как вы могли заметить, находится на грани малярии; проблемы Александра, можно сказать, скорее сексуальной природы.

Б у т ч. Так это всё сказки?

М а р и - Л у и з а. Сиделка Йоланды, фройляйн Кайзелхарт, играет другую роль, как и синьор Манцо, который до нынешнего утра отвечал за то, чтобы тот, кто наткнётся на Розентраум, не узнал... ну, не узнал, какого рода это место на самом деле. Рудольф очень волнуется, когда к нему обращаются как к обычному человеку.

Б у т ч (*переходя в центр сцены*). И вся эта мусть на счет войны и Версальского договора...

М а р и - Л у и з а. Я не знаю в точности, что он рассказал вам, но я уверена, что это абсолютный нонсенс. Это место — не более чем сумасшедший дом, в котором в настоящий момент — если только вы не развяжете меня — захватили власть психи.

Б у т ч. А то, что король Рудольф рассказал мне о вас — ну, что вы — принцесса — это тоже придумано?

М а р и - Л у и з а. Фактически лишь это из всего сказанного — правда. Мой пра-пра-дядя, к тому же троюродный, был Наполеон Бонапарт, император Франции. Благодаря этому я получила привилегию не обращаться к Рудольфу «ваше величество».

...

Появляется Рудольф.

Р у д о л ь ф. Но в данном случае сумасшествие принимает противоположную форму: принцесса Наполеон отрицает, что она — принцесса.

М а р и - Л у и з а (*смотрит на Рудольфа, затем на*

Бутча). Да, я отказалась от титула. Он и архаичен, и претенциозен.

Рудольф. Это титул парвеню!

Мари-Луиза. Рудольф, развяжите меня. ...
(*Бутчу*.) Ради Бога, да почему же, по-вашему, это место называется Розентраум?

Рудольф. Потому, мой друг, что этот замок построен ради чистой любви, как в сказке, со всей магией прекрасной сказки!

Мари-Луиза. Ерунда! Эту дурацкую псевдогоготическую виллу построил лет двадцать назад для своей жены богатый фабрикант конфет. Розовый гранит и розовые цветы должны были напоминать ей о клубничных карамельках, на которых он сделал своё состояние!..

Краткое содержание финальной части:

Наваждение рассеивается — в Розентрауме восстанавливается прежний порядок, и Бутч Бигелов уходит — а фактически бежит из Розентраума обратно в реальный мир. Впрочем, уходит с ощущением, что краткое пребывание здесь помогло ему разобраться в своих проблемах — найти себя...

Перевод 2010-го года.

Анатолий ЮРЧЕНКО

*Комета без расписания,
или
«Что ты сделал для Украины?»*

ЭПАТАЖНАЯ КОМЕДИЯ В СТИЛЕ РЕТРО
В ДВУХ ДЕЙСТВИЯХ

Спектакль для взрослых
(фрагмент*)

*Автор выражает признательность режиссёру
Николаю Горохову за идею «Репродуктор —
пятое действующее лицо»*

ДЕЙСТВУЮЩИЕ ЛИЦА

Тигаренко, <i>отдыхающий</i>	}	мужчины
Федотов, <i>активно отдыхающий</i>		
Валентина, <i>отдыхающая</i>	}	женщины
Светлана, <i>не знающая отдыха</i>		

Время действия — первая половина 1990-х. Некоторые события второго плана автор незначительно, но сознательно смещает во времени.

* С полным текстом пьесы можно познакомиться в электронном читальном зале библиотеки им. Чижевского.

Комната на троих в старом корпусе турбазы где-то на границе Московской и Владимирской областей. Одна дверь выходит в общий коридор, другая, застеклённая, расположена в проёме между двумя большими окнами и ведёт на террасу. Вид за окнами резко контрастирует с убогой обстановкой комнаты. За террасой — заснеженные пляж и озеро. Через озеро к лесу бежит лыжня... Около двух часов дня. Снег искритя и кажется розовым. От сосен тянутся голубые тени.

У зеркала, висящего над раковиной умывальника, мужчина лет пятидесяти. Это Ф е д о т о в . Крупные черты лица, волосы — «соль с перцем». Голый до пояса, он пытается надеть майку. На первый взгляд, это обычная майка с бретельками, но почему-то у неё лишняя пройма, которая непременно оказывается то на боку, то на спине, то на груди...

Ф е д о т о в . Макака! (Пытается надеть майку как-нибудь по-другому.) Чухонка! (Ещё попытка.) Шимпанзе!

Стук в дверь, ведущую в коридор.

Ф е д о т о в . (рисуюсь). Come in!

Входит человек с чемоданом в руке. Это Т и т а р е н к о , мужчина лет тридцати с небольшим.

Т и т а р е н к о . Добрый день.

Ф е д о т о в . Привет. И скажи ещё, что это не чёрт знает что! Теперь только в стриптизе выступать. Вот дура! Объяснял же ей. Нет — не учи меня шить! (Ещё попытка.) Ну и дурища!

Т и т а р е н к о . Я ваш сосед, если не возражаете.

Ф е д о т о в . Какой ещё сосед! Из соседней комнаты? Или дверью ошиблись?!

Т и т а р е н к о (открывает дверь, смотрит на таб-

личку с номером, закрывает). Нет, не ошибся. А кровать, сказали, выбирайте любую.

Федотов (*оборачивается, смотрит на Титаренко*). Ну и ну! Значит, сосед? Вот повезло! Сначала в электричке на меня пялился...

Титаренко (*обиженно*). Ничуть не пялился. Я просто задумался. А когда я думаю... я в пространство смотрю. Может быть, вам показалось, что на вас... а на самом деле... ни на кого... просто... в пространство...

Федотов. Потом в автобусе мне чемодан на ногу поставил. А теперь что, тебе ещё и мою койку отдать?!

Титаренко. А, так это вы были? Так я извинился. Если хотите — извините ещё раз. И... Знаете, наверно, вы правы.

Федотов. В чём?

Титаренко. Пойду к администратору. Пусть в другую комнату поселят. (*Поворачивается к двери.*)

Федотов (*неожиданно*). Отставить! (*Что-то просчитывает в уме.*) Извини, погорячился, не обращай внимания. Поладим. Ещё неизвестно, куда тебя администратор запихнёт, кого сюда поселит, а так, как говорится, из двух зол выбирать, одного не миновать. Располагайся. Вон вешалка. Вот шкаф. Кровать занимай любую — кроме моей. Давай-давай. Не стесняйся. Раздевайся, распаковывайся... (*Снова поворачивается к зеркалу.*) Ну, дурища салатная! Что мне теперь с тобой делать!

Титаренко (*помедлив у двери, проходит в комнату, снимает пальто, говорит рассеянно, думая о чём-то своём*). Извините, салатная — это как?

Федотов. А так. Из овощных культур, значит. Чтобы корнеплодом не называть. Дура. Причём салатная!

Т и т а р е н к о. А, вы, наверно, про ту девушку, у которой в столовой истерика началась...

Ф е д о т о в. Чухонка с истерикой — не учи меня шить!..

Т и т а р е н к о. А она действительно чухонка?

Ф е д о т о в. Тебе какая разница?!

Т и т а р е н к о. И правда... Хотя салат она, по-моему, съела. Это с ней на борще случилось.

Ф е д о т о в (*слушая вполуха*). Ага! Кусок корнеплода в борще попался. Хрен называется. Вот и охренела: не учи меня шить!

Т и т а р е н к о (*идёт по комнате, выбирая, какую из двух свободных кроватей занять*). Да ладно вам. Мало ли... Три часа в электричке — в давке, в духоте. Шесть электричек перед этим отменили, я специально посчитал. Зато и автобус к перрону подали, по радио объявили: прибывших на турбазу приглашают в «Икарус». Три раза.

Ф е д о т о в. Чего — три раза?

Т и т а р е н к о. Объявили три раза.

Ф е д о т о в. При чём тут «Икарус»? (*Делает ещё одну попытку.*) Смотри, что эта дура хренова сделала!

Т и т а р е н к о. А это что, тоже она?..

Ф е д о т о в. Да тебе не всё равно кто?! Не учи меня шить!.. Вот тебе! (*Резко рвёт шов, майка становится похожа на майку, только с плеча свисает полоска ткани наподобие аксельбанта.*) Так и буду ходить — пусть тебе будет стыдно! (*Надевает рубашку, галстук, причёсывается, поворачивается к Титаренко.*) Что ты там про девушек говорил?

Т и т а р е н к о. Да я про одну только. Про ту, у которой истерика за обедом началась. Или вы на обед не ходили?

Ф е д о т о в. Да я ещё в столице на вокзале пообедал, пока ты отменённые электрички считал. Вас всех из

«Икаруса» вначале на обед повели, а я сразу — к администратору. Просил тихую, приятную комнату, намекнул — хорошо бы одному... Или ей тоже хрен в борще попался?!

Т и т а р е н к о. Дался вам этот хрен! Симпатичная молодая девушка. Я ещё удивился — ест, как сомнамбула. Она через два столика от меня сидела. А когда борщ принесли, вдруг лицо руками закрыла, плечи затряслись... хорошо, что увели её.

Ф е д о т о в. Кто увёл?

Т и т а р е н к о. Ну... другая девушка...

Ф е д о т о в. Тоже молодая?

Т и т а р е н к о. Ну... Да.

Ф е д о т о в. Симпатичная?

Т и т а р е н к о. Ну да.

Ф е д о т о в. А ты молодец — наблюдательный. И самое главное заметил! Симпатичные девушки в нашем заезде есть!

Т и т а р е н к о. Ну и что?

Ф е д о т о в. А то! Что мы тут с тобой, как два болвана, время теряем. А у нас его и так в обрез!

Т и т а р е н к о. То есть? Двадцать дней впереди...

Ф е д о т о в. Наблюдательный — и такой наивный? Ты что, двадцать дней раскачиваться будешь?! Всё решают быстрота и натиск — броня крепка, и танки наши быстры, и наши люди доблести полны!.. А то будешь себе потом со злости что-нибудь кусать — да поздно. Пока нас только двое, усёк? Сегодня электричек уже не будет. А завтра какие-нибудь опоздавшие приедут, подсунут нам третьего — и всё. Все прелести казарменного быта.

Т и т а р е н к о. Администраторша сказала, больше никого подселить не будет.

Ф е д о т о в. Мне она то же самое сказала — понял? Она и третьему то же скажет! Прежде чем четвёртому раскладушку выдать... Эх, наивная душа... зовут-то как?

Т и т а р е н к о. Николай Спиридонович.

Ф е д о т о в. Ну что, Коля, будем знакомы. А я — Федотов Андрей. И выкать мне перестань. Давай-ка на ты. И просто Андрей. Но в официальной обстановке — Андрей Роскомпартович.

Т и т а р е н к о. Роскомпартович?

Ф е д о т о в. А что, не нравится? Папу моего так звали — понял? Героическая эпоха — не то что сейчас, понял? Одни имена чего стоили! Октябриня! Тракторина! Коминтерн! Роскомпарт!..

Т и т а р е н к о. Нет... ну, непривычно — ну и что? Роскомпартович. Наверно, для кого-то даже актуально. Опять...

Ф е д о т о в. Именно что! Не Капезсесович. Всю жизнь не признавался. Говорил — Ростиславович. А теперь с гордостью говорю — Роскомпартович я! Словом, в официальной обстановке, смотри, не перепутай.

Т и т а р е н к о. В какой — официальной?

Ф е д о т о в. Будет, Коля, будет и официальная. Ты размещайся пока. Только вещи не сильно разбрасывай. Чтобы порядок мне, понял? А я на разведку и всё остальное беру на себя. *(Надевает пиджак, снимает с вешалки пальто.)*

Т и т а р е н к о. Андрей Роском-м-м... Андрей, вы... ты о чём? Я отдыхать приехал!

Ф е д о т о в. Блин! А я тебя что, работать заставляю?! Вот с сегодняшнего дня и начнём. Отдыхать!

Т и т а р е н к о. В каком смысле?!

Ф е д о т о в. В общепринятом! Механика простая... Ты, кстати, кто по профессии?

Т и т а р е н к о (сквозь зубы). Инженер.

Ф е д о т о в. Что там в вашей инженерии самое простое?

Т и т а р е н к о (сквозь зубы). Рычаг. Архимеда.

Ф е д о т о в (в восторге). Нет, ты понял? Самое то! И берём мы с тобой, значит, этот рычаг с нужного конца и, как голый Архимед, кричим: «Эврика!»

Т и т а р е н к о (машинально). «Эврика» значит «нашёл».

Ф е д о т о в. В точку! Диспозиция известная, ещё Архимед придумал: находим двух девушек, но таких, чтобы, как мы, вдвоём в одной комнате жили, знакомимся, приглашаем для продолжения знакомства сюда. Потом с одной из них я ухожу в их комнату, а ты со второй остаёшься тут... Только, чур, выбор за мной.

Т и т а р е н к о (всё так же механически). Говорят, выбирает женщина...

Ф е д о т о в. Да какая разница! Ты только той, что по-симпатичнее, не мешай выбирать!

Т и т а р е н к о. А потом что?

Ф е д о т о в. А это уже второй вопрос! Как говорил один чудака в кепке, главное — ввязаться (нарочито картавя) в драку, а там, батенька, вскрытие покажет.

Т и т а р е н к о. Остынь, Роскомпартович. Я же сказал — я отдыхать приехал.

Ф е д о т о в. И правильно сказал! Для того и едут на турбазы — от-ды-хать! От работы, будь она неладна, от жён, чтоб они были здоровы, от мужей-паразитов!.. Отдохнуть, расслабиться, разрядку себе дать... Зачем мужик на турбазу рвётся?..

Т и т а р е н к о. Роскомпартыч, я не ханжа. Делай что хочешь, только меня в свои игры не втягивай.

Федотов. Да какие ещё мои игры?

Титаренко. Любые. Отдых, разрядка, секс... Впрочем, секса у нас нет.

Федотов. Неправда, секс у нас есть! И всегда был! Только условий для него не было. Вот умные люди и придумали: турбазы, дома отдыха, санатории... Нет, санатории — это для больных. Чтобы они этим под наблюдением врача занимались. А нам — турбазы! Где отдыхают свободные мужчины и свободные женщины в свободных условиях ныне свободной страны, будь она неладна.

Титаренко. Всё, Роскомпартович, иди в разведку, хватайся за рычаги, бросай танки в атаку... Без меня! Мне и в тылу хорошо.

Федотов. Коля, ты мужик или нет?!

Титаренко *(в сердцах)*. И ты туда же! Мужик, не сомневайся.

Федотов. Женат?

Титаренко. Женат.

Федотов. Жену любишь?

Титаренко. Не твоё дело!

Федотов *(вешает пальто обратно на вешалку, садится на свою кровать)*. Нет, Коленька, тут ты не прав. Теперь и моё. Вот и проверишь чувства... в боевых условиях. А я тебе в этом просто обязан помочь.

...

Титаренко один в комнате, распаковывает чемодан. Всё валится у него из рук. Раздаётся стук в стекло двери, ведущей на террасу. Титаренко что-то пытается показать через стекло, затем поворачивает задвижку, открывает дверь. Появляется женщина, не старше тридцати, — в шубке и шапке из искусственного меха, в сапожках, в тёмных очках и с незажжённой сигаретой в руке. Это Валентина.

Т и т а р е н к о . Ничем не могу помочь. Не курю.

В а л е н т и н а . И правильно. Я вот тоже давно хочу бросить... А посмотреть можно?

Т и т а р е н к о . Что посмотреть?

В а л е н т и н а . У вас такой корпус интересный. Вышла погулять — вдруг вижу: такой корпус интересный.

Т и т а р е н к о . Послушайте, холодно. Не знаю, входите, что ли?

В а л е н т и н а (входя). Вы через эту дверь ходите?

Т и т а р е н к о . Нет, через ту. Эта, наверно, летняя. Даже странно, что открылась.

В а л е н т и н а . Всё равно здорово. Когда хочешь — ушёл, когда хочешь — пришёл. Никому не докладываешь. Удобно!

Т и т а р е н к о . А у вас разве не так?

В а л е н т и н а . Что вы! У нас... С чудачкой этой в одну комнату не попала — и на том спасибо.

Т и т а р е н к о . С какой чудачкой?

В а л е н т и н а . Да с этой. Которая в столовой отличилась. Вы не видели?

Т и т а р е н к о . В столовой? Видел... А она действительно чухонка?

В а л е н т и н а . А какая разница?

Т и т а р е н к о . И в самом деле...

В а л е н т и н а . Повезло, называется! За одним столом с ней оказалась. Смотрю, салатом давится — еле съела. А над борщом — в слёзы. Спасибо Вера её вывела.

Т и т а р е н к о . У неё что-то случилось?

В а л е н т и н а . Ага! Горе-несчастье! Вообразила себе, что турбаза эта — чуть не в центре Москвы. Между ГУМом и Мавзолеем. Или в профкоме ей три короба наврали, когда уговаривали путёвку взять. Паршивые, наверно, на этой турбазе дела, если уже так путёвки

людям впихивают. Я ещё в автобусе заметила: пока от станции ехали, эта чудачка ещё ничего была. А как на трассу выехали да через две деревни проскочили без остановки — тут, смотрю, она вроде как деревенеть стала. А на борще... Ладно, дадите даме прикурить?

Т и т а р е н к о. Я не курю. Может, у соседа спички есть? А он ушёл.

В а л е н т и н а. Вас тут трое?

Т и т а р е н к о. Двое. Обещали больше никого не подсесть.

В а л е н т и н а. Роскошно!

Т и т а р е н к о. Роскошно... *(Неожиданно для себя.)* Устроит он мне роскошную жизнь. Не успел приехать, помчался женщину искать.

В а л е н т и н а. Какую?

Т и т а р е н к о. Любую. У него теория такая. Любой женщине нужна любовь. Он может её дать. Всё, конец цитаты.

В а л е н т и н а. Интересно... А какой он из себя?

Т и т а р е н к о. Никакой. *(Взрывается.)* Не знаю, что он там кому дать может.

В а л е н т и н а *(смеётся)*. Это вы зря, нет таких мужчин, чтобы ничего женщине дать не могли. А если бы-вают... сами женщины и виноваты!.. А ты зачем приехал?

Т и т а р е н к о. Зачем? *(Вдруг говорит с интонацией Федотова.)* А зачем мужик на турбазу рвётся?

В а л е н т и н а. *(хохочет)*. Нет, зачем?

Т и т а р е н к о. А вы зачем?

В а л е н т и н а. Я? Замуж выйти.

Т и т а р е н к о. Как это?

В а л е н т и н а. Ну, как все, наверно. Я ещё ни разу не выходила.

Титаренко. И за кого?

Валентина. А я не выбирала ещё. Огляжусь вначале.

Титаренко. И откуда вы такая?

Валентина. Какая?

Титаренко. Ну... такая...

Валентина (*быстро идёт к зеркалу*). Какая такая?

Титаренко. В смысле откуда.

Валентина. А... Из Княж-Острова.

Титаренко. А в вашем Княж-Острове женихов нет?

Валентина. Видала бы я их всех!.. Тех, что получше, уже разобрали. А те, что остались... Дура я была, не сразу поняла... Нет, а ты зачем приехал?

Титаренко. Пьесу писать.

Валентина. Здесь?

Титаренко. А больше нигде. Это... я даже не знаю, что это. Вдруг просыпаешься среди ночи... Какие-то образы, слова рвутся наружу... А тут путёвка подвернулась. Недорогая... И профсоюз расщедрился — пятьдесят процентов оплатил...

Валентина. А ты откуда?

Титаренко (*неопределённо машет рукой в сторону окон*). Оттуда.

Валентина. Погоди, так у вас теперь независимое государство? И деньги не такие, как у нас?..

Титаренко. Ну да. Называется независимым. А деньги... (*Достаёт из кармана, бросает на стол.*) Вот это у нас теперь — деньги.

Валентина. (*с любопытством берёт в руки, читает*). Сто тысяч купонов. Ого! Ты что, миллионер?

Т и т а р е н к о. У нас уже все миллионеры. Ну... у кого работа есть. И когда за неё платят.

В а л е н т и н а. Миллионеры... Хорошо живёте! И ты здесь ими за путёвку доплатил?

Т и т а р е н к о. Нет, рублями. Я сюда с рублями приехал. А это — на обратную дорогу. *(Бросает ещё несколько бумажек на стол, Валентина их с интересом разглядывает.)* Здесь они ничего не стоят. А на обратном пути, когда границу пересечём...

В а л е н т и н а. Так уже и граница есть? И как же тебя пропустили?!

Т и т а р е н к о. Одно название...

В а л е н т и н а. Это, наверно, пока. А потом... поплывём мы друг от друга в разные стороны, как в море корабли...

Т и т а р е н к о. Не знаю. Наверно, и через двадцать лет так и будем плавать рядышком в одной проруби, как... в море корабли...

В а л е н т и н а. А может быть, это у вас от... как его?.. От нехватки патриотизма?..

Т и т а р е н к о. А может, от избытка идиотизма? Ни туда ни сюда — одна говорильня. И будут эти же фантики вместо настоящих денег...

В а л е н т и н а. Подожди, у вас-то на них, наверно, и купить что-то можно...

Т и т а р е н к о. С каждым днём — всё меньше. Вот об этом я написать хочу! Ломается всё вокруг, а мы — как страусы!.. У нас эти фантики, если хочешь знать *(запинается, но решается и договаривает)*, в вокзальных туалетах на полу валяются.

В а л е н т и н а. Как это?

Т и т а р е н к о. А так. Если уже туалетная бумага дороже, чем эти бумажки. Туалеты теперь везде платные.

- За вход — плати. Туалетная бумага нужна — отдельно плати! А народ ушлый — сразу просчитывает, если не платить — дешевле получится!..
- Валентина (*в ужасе*). А потом уборщицы эти бумажки собирают...
- Титаренко. Может быть...
- Валентина (*брезгливо роняет деньги на пол и мчится к умывальнику мыть руки*). Так вот это откуда! От вас пошло — отмывать грязные деньги!..
- Титаренко (*грустно смеётся*). Да нет, эти, наверно, ещё не слишком грязные. Эти пока ещё дороже туалетной бумаги...
- Валентина. А всё равно руки помыть хочется! А пьесу ты не про то пишешь!
- Титаренко. А про что надо?
- Валентина. Про любовь!
- Титаренко. А... Не так просто о любви писать.
- Валентина. Разве?
- Титаренко. Это со стороны — легко: слово за слово, реплика за репликой... Пока не напишешь: конец. Или — занавес. Некоторые пишут: занавес. Не в словах дело.
- Валентина. А в чём?
- Титаренко. В людях. Что ими движет? Вот, скажем, мужчина и женщина. Вдвоём в одной комнате. Ещё незнакомы. А потом оказываются друг у друга в объятиях. Как это вдруг происходит?
- Валентина. А так же — слово за слово.
- Титаренко. Так просто? (*Смеётся.*)
- Валентина. А зачем мудрить? Вот ты мне говоришь: у вас красивые глаза.
- Титаренко. У вас... Откуда мне знать, какие у тебя глаза?

В а л е н т и н а. Оп-ля! По просьбе трудящихся — снимаю! (Снимает очки.) Ну, говори.

Т и т а р е н к о. У вас красивые глаза. (Пристально вглядывается в глаза Валентины, словно пытается что-то в них увидеть.)

В а л е н т и н а. И всё?

Т и т а р е н к о. А что ещё?

В а л е н т и н а. Ты же писатель! Придумай! Ну, духи мои похвали. Я из-за них весь город обегала.

Т и т а р е н к о. Действительно. Духи у тебя невероятные.

В а л е н т и н а. Ну кто так хвалит? Как ты можешь на таком расстоянии почувствовать?

Т и т а р е н к о. Твоими духами на всю комнату разит.

В а л е н т и н а. А ты вида не подавай. Притворись, что уловил тонкий аромат... подойди поближе... так, наклонись... Ну, говори: какие у вас духи!

Т и т а р е н к о. Можно тебя поцеловать?

В а л е н т и н а. (смеётся). Это ты от своего сексуально озабоченного соседа заразился?

Т и т а р е н к о. Ну... Нет... Не знаю... Можно тебя поцеловать?

В а л е н т и н а. А ты понял, зачем я приехала?

Т и т а р е н к о. Понял.

В а л е н т и н а. И что?

Т и т а р е н к о. Хочу поцеловать.

Краткое содержание финальной части:

Федотов — который рассчитывал, что будет жить в комнате один, и с первых минут готовился воплотить в жизнь свой главный жизненный принцип: для полноценного отдыха нужна женщина — пытается сделать из Титаренко не просто «удобного соседа», но и возможного компань-

она. Не получив однозначного «да», но и не услышав в итоге прежнего твёрдого «нет», Федотов «уходит на разведку». Тем временем происходит знакомство Валентины с Титаренко...

Герои попадают в круговорот комических недоразумений (*и скандальных ситуаций*), ими же и созданных (*эпатаж — сознательный приём автора*). На турбазу приезжает Светлана, жена Титаренко. Она в командировке и, получив груз от смежников, надеется, что муж поможет ей сесть на поезд, но тоже оказывается вовлечённой в эту круговерть.

Периодически включается висящий на стене репродуктор (*«пятый персонаж пьесы»*), создавая дополнительный комический фон. Лейтмотивом звучит известная фраза Ельцина: «Утром проснулся — и первый вопрос: что ты сделал для Украины?..» (*В какой-то момент Титаренко со злостью срывает репродуктор со стены и отбрасывает к рампе.*)

Второй план пьесы — меняющийся мир вокруг. Его образ — летящая комета (*«комета без расписания»*, которую герои видели перед отъездом на турбазу). И нужно как-то жить в этом мире дальше. Титаренко плывёт по течению. Светлана в меняющихся обстоятельствах ищет свой собственный шанс. Валентина надеется, что оплотом во враждебном мире станет семья. Даже Федотов, живущий по раз и навсегда заданному стереотипу, задумывается над необходимостью что-то изменить в своей жизни.

Кульминация пьесы — скандал, в котором участвуют все четыре персонажа. В итоге Титаренко возвращается домой вместе со Светланой. А Федотов и Валентина, полные взаимной неприязни, остаются наедине.

Но... Майка с лишней проймой оказывается «ружьём, стреляющим во втором акте», и всё может измениться:

Оживает отключённый от розетки и отброшенный к рампе репродуктор. Сквозь фоновый рокот помех вначале тихо, а затем всё громче прорывается свадебный марш Мендельсона, заглушая голоса Федотова и Валентины.

Вносит, однако, свои коррективы и второе десятилетие 21-го века:

Меркнет свет. Смолкает марш Мендельсона. В темноте (уже вне рамок комедии) звучит текст:

В 2014 году Светлана Титаренко все активы своей частно-предпринимательской фирмы передала в помощь украинской армии. Николай Титаренко записался в добровольческий территориальный батальон. В 2015-м погиб в бою за Дебальцево. В том же бою погиб сын Валентины и Андрея Федотова. Он воевал на стороне сепаратистов.

ЗАНАВЕС

ЛІТЕРАТУРНИЙ АЛЬМАНАХ

Сатира
Гумор

Анатолій КУРГАНСЬКИЙ

Сатирички

Хочеться

Питається дружина чоловіка:
— Чому ти рвешся в депутати, Грицю?
— Безкарно мені хочеться, Марійко,
З трибуни зацідить комусь по пиці.

Дилема

Злодюгу піп куди направить мусить?
Не можна в рай — він яблука обтрусить!
Не можна в пекло — теж причина є:
В металолом котли всі поздає.

Художник

Колись злітав, немов на крилах вітру,
Казали друзі: «Дар йому від Бога».
Став плутати палітру і півлітру —
І дар вже назавжди пішов від нього.

Не везе

Біля театру у тітки Марії
Питає таксист: — Скоро вийде глядач?
— Всі глядачі втекли із першої дії,
Якщо не віриш — зайди і побач.

Рахунок

Перекусивши в ресторані, Вася
Гука розрахуватися Оксану:
— За їжу це рахунок? Признавайся!
Чи телефонний номер ресторану?

Продавець

Відро грибів приніс продать Андрій.
— Дивіться, — каже, — всі вони хороші.
Якщо отруйні будуть, то тоді
Приходьте — поверну відразу гроші.

Сум

Питає чорногуза дід Максим:
— Чи постарів ти, чи вже став ледачий?
Так справно ти мені дітей носив.
Але чомусь онуків я не бачу.

Форвард

— Блукаючого форварда я бачив, —
Петрові каже Гриць.
— Ой чи й не подив!
Я також бачив, як один ледачий
З команди у команду переходив.

У пеклі

— Не бійся, нас не зварять, Никодиме,
Я вже давно свій страх переборов.
В холодних казанах сидіть нам в зиму:
Не заготовили чорти у пеклі дров.

Має рацію

- Був би я татом твоїм!.. — на уроці
- Вчитель прикрикнув на Гната.
- Навіщо вам клопіт такий? Нас п'ять хлопців,
- У вас же маленька зарплата.

Чисті руки

- Помиєш руки — і мерщій до столу, —
- Увечері дружина зве Миколу...
- Нащо їх мить? — Микола обізвався. —
- Я ж на роботі ні за що не брався.

Забули

Червона Шапочка сказала: «Мабуть, помилюся —
Бо тато з мамою забули, де живе бабуся».

В ковбасному відділі

- Сім раз відріж — обважуй раз, —
- Оксану так навчав Тарас.
- То ж знай тепер: наука ця
- Із тебе зробить продавця.

Валерій КОРНІЄЦЬ

Гумор мимоволі

Я писав би...

Я писав би для душі
Про ставок і комиші,
Де тихенько вітер віє
І душа від щастя мліє,
Про стару квітучу грушу,
Тільки я писати мушу,
Як нам влада гадить в душу —
І сидить у комишах
Перелякана душа.

Чому?

Що відбулося взагалі,
Ніяк не можу я второпать:
Чому ж ми з рідної землі
Йдемо у наймити в Європу?

Своє за безцінь продаєм,
Стоять занедбані заводи...
Зате з колишнім крадієм
Новий крадій рахунки зводить...

* * *

Подорожчали харчі —
Я зрікаюся обіду:

Буду їсти уночі,
Щоб не бачили сусіди.

Влада всі рахує статки,
Все шукає, з чого драти.
Щоб не збільшили податки,
Я вночі ходжу за хату.

Навіть вітер в чистім полі
Щось ховає у стерні...
Отака сучасна доля
Подарована мені.

А навіщо?

У майбутнє поспішали радо,
Та не знали ще, куди йдемо:
П'ять разів ми вже міняли владу,
Та на шії все одне ярмо.

Новітня ера

Як він краде — аж гаманці тріщать!
Таке вже втнув, а стільки може втнути,
Що совість заховалася в куцах,
Сидить, мовчить, не сміє навіть чхнути.

Як він краде — він не марнує час!
Давно начхав на совість і на нас,
Вже хоче вкрасти землю й атмосферу —
Ось так і живемо в «новітню еру».

* * *

Куди чорти нас завжди пруть?
Одні й ті ж помилки віками:

Шукаємо спочатку бруд,
А потім — засоби від плями.

* * *

Нам горя налили по вінця
Нові правителі бездарні:
Адже ми з вами українці —
Повинні бути салодарні,
Тому з нас і здирає уряд
Не тільки сало — вже і шкуру.

* * *

Україна — мати,
А Панама — тато:
Можна вдома красти,
А там — приховати.

Ніяких податків,
Ніякого мита —
І зростають статки,
І все шито-крито.

Якщо вміло
Зможеш красти,
Будеш білим
І пухнастим.

Опудало

Обплутала ніч, обплутала,
Занурила у пільму...
Вдивляюся в небо
опудалом,
Шукаю, молитись кому.

Стою,
наче річ непотрібна, я
Меж інших таких речей —
І сльози росою дрібною
Течуть із незрячих очей.

Пече мене вітер холодом
І одяг порвав на шмаття...
Не вижити взимку голому,
Та й нащо таке життя?

А зорі,
убиті іудами,
Хрестами
прийшли на погост...
Стоять на городах
опудала,
Стоять і чекають чогось...

* * *

«Закупувай, громадяни,
Тільки наше, вітчизняне!»
Те, що треба, взяв би, бля,
Так ніхто ж не виробля!

Дмитро ТАНСЬКИЙ
Тронічна поезія

Довірена особа

Опівночі повернувся Ярослав Макуха
У дім рідний. А на лобі з кулак балабуха.
Лице кров`ю заюшене. Куртка нова в глині.
Метуться схвильовані діти і дружина.

Дійшов трохи він до тями. Став розповідати.
— Постраждав, — стогнучи каже, — я за кандидата.
Бо у нього я довірений — важлива особа!
Не гадав, що підставляю за це свого лоба.

Кандидат мені на пиво виділив готівку,
Щоб на стінах у під`їздах наліпив листівки.
А там, схоже, причаїлась ворожа засада —
І в темряві пригостили кілком мене ззаду!

Нездоланна сила

В комітеті оборони зтяжні дебати:
Чи армію укріпити, чи геть розігнати?
Пропонує якийсь маршал: «Всі ми прагнем миру.
Нам потрібні не ракети — вареники з сиром!»
Каже: «Захід дасть нам гроші. Купимо обнови.
На жінок краще потратим всі боєголовки!»
Інший мовить: «Нащо танки і важкі гармати?
Добрих коней треба швидше в армії сідлати.

Українське ж бо козацтво — нездоланна сила.
Нас врятують неодмінно жеребці й кобили!»

Медовий місяць

Щоб не скніти до безтями в холостяцькій пустці,
Лис порядний одружився на домашній гусці.
Проминув медовий місяць. Як там в них? Хто знає?
Мати зважилась провідать свою доньку Таю.

Навіть пір`ячко з дитини зайве не здувала,
А тепер їй щось недобре серце віщувало.
В ліс дорогу подолала через яр і броди.
Та й у нору свого зятя з острахом заходить.

Як угледіла картину — трясця в лихоманці, —
Бо муж патрає дружину, скубе на лежанці!
Стара мати бух у ноги й почала благати:
— Що ж ти доньку мою любу так мордуєш, зятю?

А той бідкається теці: — Я не божевільний.
Ваша донька не знімає свій наряд весільний.
Цілий місяць терплю цноту. Ось скубу і плачу.
Бо ні разу вашу доньку голою не бачив!»

Анатолий ЮРЧЕНКО

Ханкан на рубеже эпох

Куда бежит тётенька?

(Из цикла «Утренние монологи в троллейбусе»)

Главное — весело живём! Вначале — мужик бежит. Хорошо бежит — сосредоточенно и мощно. Любой олимпийский чемпион позавидует. Явно идёт на побитие собственного рекорда! А в конце — тётенька. Тоже, между прочим, замечательно бежит! Одно непонятно. За мужиком бежит или, наоборот, от него?

Вы что, не видели их никогда? По телевизору! В рекламных заставках! Жаль, не показали, кто кого догнал и чем дело кончилось. Вообще показывать перестали — а зря! Интересно ведь! Может, он её догнал, а может, она его — а дальше что было?! Но те, которые на телеканале командуют, сразу переключали на что-нибудь другое. И сразу слова за кадром: спонсор программы — торговая марка. Какая?! Ну смешно! Кто спросил? Вы что, никогда в винно-водочные отделы не заглядывали?

Весело живём! А чтобы ещё веселее было, по телевизору всякие юмористические программы крутят. Хоточут все — ну просто до упаду! Те, которые в зале сидят. Понятно, они же свои деньги за билеты заплатили! Приходится смеяться, чтобы деньги зря не пропали! И мы смотрим — куда денешься. Смотрим — и вдруг перебивка: спонсор трансляции — торговая марка! Опять водка! А как же? Куда без неё! Ещё, чего доброго, совсем не смешно будет!

Весело живём! Спортивную программу включишь — опять водка! В рамках программы развития спорта. Тоже правильно! Хлюпик-интеллигент рюмку-другую выпьет — и всё. А человек, закалённый спортом? Ну!.. Тот много выпьет, ещё и за добавкой в магазин побежит! И ему хорошо, и спонсору ещё лучше — объёмы продаж растут!.. Полшага осталось, чтобы ещё один слоган придумать: под эгидой торговой марки — в рамках программы «За здоровье нации»!.. За это и выпить не грех — даже Минздраву, который уже устал предупреждать!..

И если не водки — то пива. Тоже, судя по телевизионной рекламе, очень спортивный напиток. Особенно если им водку запивать. Особенно в компании! Особенно когда друзья вокруг — и много-много!.. Сразу на рекорды потянет! Рекордные объёмы, рекордные прибыли — весело живём!

И вообще весело живём! Что ни выборы — один смех: опять не тех выбрали! А если тех, то они не тех на ключевые посты назначили — смешно да и только! А если назначили, а потом выгнали да ещё взялись объяснять, за что выгнали, ещё смешнее! Правительство плохое? Смешно! У нас хоть раз хорошее было? Хорошее правительство — ещё смешнее! Да откуда ему взяться?!

Теперь понятно, куда тётенька в телевизоре бежала? Это её мужик за водкой побежал — хорошо, мощно! А она опомнилась — и следом! Может быть, он деньги забыл взять. А может быть, они толком не договорились, сколько бутылок купить!

Хорошо живём — весело! Жаль только, немногие вокруг это понимают.

Если

Если вам платят деньги за то, что вы приходите на работу — это социализм.

Если платят за то, что приходите на работу побазарить, каким должен быть социализм — это перестройка.

Если денег не платят, но базар продолжается — это путь к рынку. Скоро многие будут стоять на рынке и пытаться продать то, что купить сможет немногие.

Если не платят за работу — это демократия.

Если есть и работа, и деньги — это не у нас.

Художник

Свирищук пил пиво и смотрел на всех криво.

— Твоя беда, что ты красок не видишь, — сказал ему сосед по столику. И объяснил.

И Свирищук увидел.

И в капельке воды на боку кружки заиграла радуга.

А рыба чешуя заблестела ярче обёртки от импортной шоколадки.

И противное тёплое пиво сразу показалось свежим и прохладным.

— Ты кто, гипнотизёр? Или... ты... волшебник? — уточнил Свирищук, оживая на глазах.

— Почти! Я — художник, — уточнил сосед гордо. — Захочу — целый мир нарисую. И будешь ты в нём прекрасным принцем, а толстая продавщица пива — феей.

— А сто баксов нарисуешь? — уточнил Свирищук внезапно, по наитию.

— Нарисую.

— Новую банкноту? — уточнил Свирищук.

— Запросто.

— Даже тонкие концентрические линии? — уточнил Свирищук.

— Воспроизведу.

— А краску, которая цвет меняет?

— И краску.

— А десять банкнот нарисуешь? — уточнил Свирищук, внезапно теряя голос.

— Пять, — уточнил художник, тоже понижая голос. — Машинка у меня слабенькая: шестой экземпляр совсем плохой будет. Ты только дай мне баксов десять, для вдохновения. Чтобы у меня ощущение подлинности было.

«Четыре тысячи девятьсот процентов чистой прибыли!», — уточнил Свирищук про себя и от радости чуть пивом не поперхнулся.

За полтора часа до назначенного времени Свирищук, маскируясь под инспектора санэпиднадзора, наблюдал в морской бинокль за мусорной кучей позади гастронома «Центральный».

Художник появился вовремя.

В соответствии с законами конспирации он, маскируясь под случайного прохожего, швырнул в середину кучи страшно замызганный пакет. Под слоем картофельных очисток, как было оговорено заранее, лежал другой пакет, аккуратно обёрнутый полиэтиленом.

Через пару минут Свирищук, маскируясь под голодного бомжа, торопливо уложил очистки в японский кейс и закодировал замок.

Объехав на троллейбусе полгорода и сделав восемнадцать пересадок, вскрыл пакет в укромном месте позади кукольного театра.

Художник не подвёл.

Все пять экземпляров были на месте.

Линии и узоры, водяные знаки и краски, надписи и подписи — всё было воспроизведено с невероятной точностью. От мастерства занимался дух...

А во всём остальном Свирищук был сам виноват — заранее надо было уточнить!..

Художник оказался художником слова. Все пять экземпляров были отпечатаны на пишущей машинке.

Правда, бумага была что надо и копирка свежая, а точность описания — фантастическая. Самое главное — в каж-

дом слове было невероятное ощущение подлинности.

Свирищук в этом сразу убедился. Потому что подлинные десять баксов художник тоже вложил в конверт.

С тех пор Свирищук потерял покой. Выбросить такую замечательную работу было просто невозможно. Когда Свирищук читал, он не только видел воочию сто долларовую банкноту, но даже ощущал её упругую плотность. Даже запах чувствовал. Хотя, говорят, деньги не пахнут.

Несколько раз пытался Свирищук подсунуть свое сокровище мальчикам, которые промышляют обменом валюты.

Но — увы!

Мальчики умели считать. Читать они не умели.

Купи-продай

— Купи-продай, — сказал мой приятель.

— У тебя же вроде производство? — удивился я.

— Производство... — вздохнул он. — А один купи-продай остался. Без него давно бы пролетел...

— Купи-продай, — сказала мне знакомая учительница на другой день. — Жить-то надо. Вот и стою. Покупай, товар хороший.

— Купи-продай, — заметил мой друг журналист. — Все они покупаются. И все — продаются.

— «Купи-продай», — закричал мальчишка. — Купите газету бесплатных объявлений.

— Купи! — купил автомобиль на перекрёстке. — Про, — заревел мотор, — дай! — завершила выхлопная труба.

На площади дети катались па пони.

Маленькие купитца высекали из мостовой «ку-пи», «ку-пи», «ку-пи»...

Зажав уши и отводя глаза от вывесок продаймагов, я бросился домой и накрепко закрыл двери и окна.

«Пр-р-ро-о-о», — заверещал телефонный звонок.

Звонил мой друг — археолог. Он уезжал продайжать свои раскупки, а сегодня приглашал искупиться в реке. Только не на пляже, а у заводы — там глубже и чище. Но я не нашёл свои купильные трусы.

Совсем раскуптившись, я бросился на свой продай-ленный диван и включил телевизор.

Давали «Проданную невесту»!

В ярости я начал переключать программы. «Продавец птиц». «Бешеные деньги». «Доходное место»... На песенке «Мани-мани» я потерял сознание.

Вечером у меня было свидание с самой лучшей в мире девушкой.

Мы сидели у реки и смотрели, как солнце становится продайговатым и прячется за купилообразные кроны деревьев.

И когда вспыхнул и погас последний лучик, мы поцеловались.

— Купидон пролетел, — прошептала она.

— Купи — что? — не расслышал я. — Купи — пока не пролетел?..

Она отвесила мне пощёчину и ушла обиженная. И я остался на скамейке один.

Мимо шли два негра. Они разговаривали на своём негритянском языке.

«Купи-продай, купи-продай», — расслышал я отчётливо.

Стоит?

Два «красных директора» встречаются в международном аэропорту. Нет, внутри они уже давно не красные, зато внешне... А в заголовке — ударение на втором слоге. Но если хочется, можно ударять и на первом...

— Привет! Откуда?

- Из Испании. В Сингапур.
- Завидую! А я из Японии. В Испанию.
- А чему завидуешь?
- Загару.
- И ты загоришь! С кем на этот раз, опять с секретаршей?
- С референтом.
- Ты что, заболел?
- Да нет, всё нормально. У меня референт — это референтка.
- Фу!.. А то прямо в пот бросило. Напугал, понимаешь! А я практически один. Со стенографисткой. И две помощницы с ней. Одна стенограммы расшифровывает, другая карандаш точит.
- Значит, всё нормально! Стоит?
- Стоит, куда не денется! А у тебя?
- И у меня! Три комиссии, понимаешь, выдержал. С трёх сторон надели! Почему стоит? Отчего стоит? Зачем стоит?
- Ох, чувствую, и меня это ждёт... И как? Справился?
- Ещё как! Налоги, говорю, — раз! Тарифы — два. Таможня — три! Инвестиции, в смысле отсутствия — четыре. Ладно, сказали, тогда пусть стоит. Только делай что-нибудь.
- А ты что?
- А я и делаю. Всё бросил — и сразу сюда. На то и реформы, чтобы на месте не стоять! Двигаться, двигаться, двигаться!..
- Да, тяжело нам...
- Ещё бы не тяжело! Четыре часовых пояса за полдня!
- А я — шесть.
- А я ещё телеграмму получил: два корпуса рухнули!
- А сказал, стоит!
- Так это смотря в каком смысле. В некотором — да.

А в некотором — уже не очень.

— Вот! А я что говорю? Нечего с референтом ездить!

— Так он у меня референтка! В смысле она...

— Так гони за такую работу его! В смысле её.

— Зачем, если мы с ним, в смысле с ней, ещё в отпуске не были? Она, в смысле референт, уже и программу разработала. Баден-Баден, Мальта, Канары опять-таки.

— А потом?

— Да всё то же. Всё тот же тяжкий труд. В Латинскую Америку надо съездить. В Австралии ещё не был. Работать надо, пока стоит. В смысле завод.

Свобода

— Сенечкин, ты чего это здесь?

— Так ведь свобода.

— Какая ещё свобода, Сенечкин?

— Такая — что всё можно.

— Кто тебе, Сенечкин, такую глупость сказал?

— Все говорят.

— А ты не верь, Сенечкин.

— Как это не верь, когда я её уже на себе ощутил? На трёх работах работаю, четыре зарплаты получаю.

— Интересно, и где это, Сенечкин, ты работаешь?

— Как где? Где и раньше — на заводе. По утрам, перед работой, дворником подрабатываю. По выходным в частной фирме всякую там электронику чиню.

— Так чего же ты здесь делаешь?

— А что, нельзя? Свобода же...

— Ну, Сенечкин, это не мне решать.

— Да я не навсегда, я только так, в свободное время. Это раньше было нельзя. А теперь — зарабатывай, сколько можешь, работай, где хочешь. Свобода.

— Сенечкин, ты и так на трёх работах работаешь, четыре зарплаты получаешь — сюда ты чего припёрся?

— Захотел — и припёрся, потому что свобода! Из-за неё и припёрся...

— Шёл бы ты, Сенечкин, куда подальше, если свобода.

— Я бы пошёл. Но у них — тоже свобода. У нас свобода на десяти работах работать. У них — человеческой зарплаты не давать. И вообще не давать. По полгода не давать. И по году.

— Так ты сюда пришёл, Сенечкин, потому что против свободы?

— Нет, вообще я — за, но в принципе — против.

— Ага! Надел что похуже, — и сюда?

— Зачем похуже? Когда это я на работу в том, что похуже, приходил? Что есть — в том и пришёл.

— Да ты глаза разуй, Сенечкин. Это же церковь — здесь на паперти нищие стоят, а не кандидаты наук, которые на трёх работах работают! Значит, если ты, Сенечкин, сядешь прямо здесь, у паперти, то, по-твоему, это и есть свобода?

— Так потому и вынужден, что свобода.

— Слушай, Сенечкин, а может, мало на трёх работах работать и четыре зарплаты получать? Может, ещё и думать надо?

— А к чему ты это спрашиваешь?

— А к тому, Сенечкин! Дуй отсюда, пока цел. И пока деньги за место не принесёшь, чтобы духу твоего здесь не было. И всё. И свободен.

Дайте нам Ганди

(Из цикла «Утренние монологи в троллейбусе»)

Недавно фильм показывали. Про великого Ганди. Это индус такой был. Со всем английским боролся. Почему, говорит, мы, великая нация, а всем английским пользуемся? Даже солью!

Это у них в Индии обычай такой был. Каждый день кушать.

Так что, говорит, гордости у нас нет? У нас, говорит, у индусов, собственная гордость и целый океан имеется. Причем одноимённый.

И все сразу всё поняли — и давай соль выпаривать!

А он говорит: а ткань зачем английская? Это у них обычай такой был: надевать на себя что-нибудь.

И все сразу всё поняли — и давай ткань делать. Вручную, конечно. Так ведь себе, не в Англию! Зато англичане сразу руки подняли! Причём обе.

Вот я и подумал. А жаль, у нас своего Ганди нет! Он бы нам что-нибудь сказал, а мы бы сразу сделали.

Потому что самое главное — гордость! — у нас имеется.

Многие, из гордости именно, уже от такого обычая, как каждый день кушать и надевать на себя что-нибудь, отказались.

В одном Ганди не прав. Сказал, английский язык пусть побудет пока. В самом языке, дескать, ничего плохого нет.

Ну не знаю, может, у них, у индусов, обычай такой — другие языки понимать. А у нас все беды как раз от этого. От языка, который до чего хочешь доведёт.

Мне один про своего друга рассказывал. Тот такой скромный, простой, трудолюбивый, доступный, общительный... Был.

А к нему двое пришли. И давай чего-то требовать. На языке, который он имеет право не понимать!

Он и не понял! Он перед этим три часа налоговую инспекцию не понимал. Потом — рыночную. Потом — санитарную. Потом — защиты потребителей. А тут ещё эти! Мелют что-то про крышу, которая может то ли поехать, то ли наехать, а он ничего понять не может...

А эти тоже!

Не понимают — чего это он не понимает!

И по непониманию начинают употреблять слова, кото-

рые даже бизнесмен начинает понимать. Он их слышал когда-то. Когда в армии служил. А те — на зоне. Хотя и не служили.

Что-то про маму.

Разжалобить, наверное, хотели.

Ладно, он уже готов был разжалобиться. Но остального всё равно не понимал, хоть убей! Вот и всё. И ещё одна трагедия на почве языкового барьера!

Грустно это. Конечно, грустно, что наши родные рэкетеры продолжают говорить на не родном языке.

А наши славные киллеры?.. Бравые ребята, конечно! А на родной язык плюют!.. Не стал он ещё для них средством официального и делового общения. Гордости у них нет, что ли?

Грустно, что наёмные боевики напрочь забыли родную песню, которой убаюкивала их в детстве седая добрая мамочка...

И будем когда-нибудь в затылках чесать — да как же это дошли мы до жизни такой?!

Ведь и море у нас было. И соль. И ткани всякие. И куры яйца несли. А коровы молоко давали... Так какого рожна нам не хватало — действительно, что ли, Ганди?..

А ведь вон сколько их у нас! Только ящик включи — Гандя на Ганде сидит и Гандей погоняет.

Одна беда: нас они не понимают... А мы — их. А они — друг друга...

Гордости, что ли, слишком много?..

Только не той, что нужно...

Смех в конце тоннеля

(Притча)

Не знаю, сам ли я придумал эту историю или это лишь давний отзвук чего-то прочитанного, услышанного либо навеянного. Но даже если это так, в какой-то момент этот отзвук вдруг сам по себе

обрёл свои собственные слова, звуки и краски, и я понял, что не могу не писать...

Они так давно шли в темноте (а тоннель был так долог), что потеряли счёт времени.

Одни говорили, что уже наступил двадцать первый век — третье тысячелетие, уточняли конченные романтики-оптимисты, — что повсюду высятся прекрасные города, на Марсе цветут земные яблони, а отпуск принято проводить на курортах Венеры или Сириуса.

Нет, — возражали другие, — мы всё ещё в 1917!

Неправда, — вступали в спор третьи, — мы в 1991-м.

Не обманывайтесь, — мрачно говорили четвёртые, не-исправимые пессимисты, — да, мы в 21-м веке, но в 2014-м году, а от него так же далеко до конца тоннеля, как и из 1917-го...

Но все знали: в конце тоннеля должен быть свет! И тоннель кончится. И они выйдут под яркое голубое небо, и увидят зелёную траву, и... сбудется всё, о чём мечталось и в 1917-м, и в 1991-м, и в 2014-м!..

А иначе... какой был бы смысл идти, не веря в это?

— И не только свет! — добавляли самые робкие мечтатели. — Там будет горячая вода в кранах, нагретая прекрасным голубым газом, и ею можно будет мыться. И не будет холодных капель с потолка. И прекрасные электрические поезда помчат нас прямо в светлое грядущее!.. И всё это будет!

И вдруг кто-то из шедших впереди громко закричал.

— Смотрите, — закричал он, и голос его покатился вдоль тоннеля, — там впереди какой-то свет!

— Где свет? — закричали задние, привставая на цыпочки. — Покажите, какой он!..

— А это действительно свет? — переспрашивали сомневающиеся. — Тот самый свет, который нам обещали в конце тоннеля? И мы дошли до него?..

И все побежали вперёд!

И с каждым шагом свет становился всё заметнее!

И вдруг тоннель кончился.

Задние ещё напирали, но передние уже остановились.

И свет был виден всем.

Единственный пыльный плафон светился вверху. Теперь, когда глаза привыкли, стало видно, что плафон обозначал не конец тоннеля, а всего лишь поворот в новый тоннель, по которому предстояло идти дальше.

...И тогда все начали смеяться!

Громко и радостно!

Ну... разве что немножко истерически...

Авторские анекдоты

— Может ли жена великого человека написать о нём книгу?

— Может. Но это будет книга о ней самой.

* * *

Муж, устав от жалоб жены на жизнь:

— Ну ладно, ладно. Давай я включу тебе телевизор

— и ты сразу поймёшь, что на самом деле всё у нас хорошо...

* * *

Муж с женой ссорятся. Упрёки. Звон бьющейся посуды.

Звонок в дверь. Сосед:

— Извините, нельзя погромче? А то у нас не все реплики слышны!

* * *

Главврач сумасшедшего дома сопровождает комиссию из министерства.

— А в этой палате у нас самый тяжёлый случай. Настоящая мания! Вообразил себя гражданином европейского государства...

ЛІТЕРАТУРНИЙ АЛЬМАНАХ

*Відомості
про авторів*

**Кіровоградська обласна організація
Конгресу літераторів України
(КОО ВТС КЛУ):**

Авруцький Юхим Якович. Поет. Народився в Кіровограді (нині Кропивницький). З 1994-го мешкає у Німеччині. Автор книг «Мои пятилетние сверстники», «Народ мой» та ін.

Босий Павло Васильович. Уродженець Вінницької області. До трьох років жив у м. Чернівці, потім — у Кіровограді. Відомий у професійних колах театральний художник і режисер. Багато років викладає театральне мистецтво в університетах США й Канади (на цей час — професор університету ім. Е.Райерсона в Торонто). Як літератор відомий перекладами англомовної драматургії на українську та російську мови.

Горяна Уляна (Сіра В. М.). Поетеса та прозаїк, майстер верлібрів. Проживає в смт. Олександрівка Кіровоградської області.

Данилов-Абросімов Давид Важайович. Друкується з 1998 року в Україні, США й Німеччині. Автор книг: «Философия порока, или Скандальный детектив», «Дембель через повешение», «Движение». Засновник Міжнародного літературного конкурсу імені поета й філософа Платона Кускова. Живе в Харкові.

Ільїн Микола Миколайович. Поет та перекладач Пушкіна, Єршова та Котляревського на ромську мову. Мешкає в Кропивницькому.

Ковалішина Алла Олександрівна. Поетеса. Член Народної академії творчості інвалідів. Лауреат літературних конкурсів. Мешкає в смт. Петрове Кіровоградської області.

Корнієць Валерій Петрович. Поет та перекладач. Автор 12 збірок власної поезії та перекладів творів лауреатів Шевченківської премії Василя Симоненка, Володимира Базилевського, Бориса Олійника, Миколи Вінграновського, а також віршів та поем Тараса Шевченка. Мешкає в Кропивницькому.

Кримський Анатолій Анатолійович (07.08.1938 — 13.05.2016). Поет, прозаїк. Член Міжнародного співтовариства письменницьких спілок та НСПУ. Засновник та перший голова Кіровоградської обласної організації Конгресу літераторів

України. Проживав у с. Цвітне Кіровоградської області. Похований у рідному с. Трилісі.

Курганський Анатолій Порфирійович. Поет. Талановитий сатирик. Видав збірки «Сценарій про віварій», «Шепіт вітру степового» та інші. Мешкає в Кропивницькому.

Ліщенко Григорій Васильович. Поет. Народився на Тернопільщині. Зараз проживає в смт. Петрове Кіровоградської області. Автор багатьох збірок віршів.

Надутенко Олена Валентинівна. Поетеса. Автор ліричних і дитячих книжок. Голова Спілки підприємців малого й середнього підприємництва Кіровоградської області, кавалер Срібної зірки «За заслуги». Керівник поетичного творчого об'єднання «Парус». Мешкає в Кропивницькому.

Николаєвська Людмила Павлівна. Поетеса. Відома кіровоградська тележурналістка. Автор п'яти книжок поезії. Мешкає в Кропивницькому.

Танський Дмитро Іванович. Поет та прозаїк. Однаково вільно почувається як у жанрі сатири та гумору, так і в ліриці, як в українській мові, так і в російській. Мешкає в Кропивницькому.

Тимко Світлана Парфентівна. Поетеса, прозаїк. Автор книг — роману, повістей, оповідань. Живе в смт. Олександрівка Кіровоградської області.

Чечель Анатолій Петрович. Поет. Закінчив музично-педагогічний факультет Кіровоградського педінституту. Відмінник народної освіти. Мешкає в Кропивницькому.

Шпудейко Сергій Макарович. Поет та прозаїк. Автор книг українською та російською мовами. Мешкає в Кропивницькому.

Юрченко Анатолій Петрович. Прозаїк, журналіст, сатирик, драматург. Член МСПУ, КЛУ та Національної спілки журналістів України. Проживає в Кропивницькому. Оповідання «Тихая охота» — переможець Міжнародного літературного конкурсу імені Платона Кускова. П'єса «Комета без расписания» — фіналіст Міжнародного літературного конкурсу «Слов'янські традиції»-2014.

ЗМІСТ

ПОЕЗІЯ

Анатолій Кримський. <i>Ось так – хмаринкою легкою...</i>	5
Николай Ильин. <i>Вернуть бы прошлого хоть миг</i>	11
Алла Ковалішина. <i>З любові починається душа</i>	15
Дмитрий Танський. <i>Северный цикл</i>	21
Валерій Корнієць. <i>На зламі часу</i>	27
Григорій Ліщенко. <i>Пахнуть трави спогадами літа</i>	35
Людмила Николаевская. <i>Эта боль как тьма колодца</i>	43
Анатолій Чечель. <i>Зіграй мені, вітре...</i>	49
Ефим Авруцкий. <i>Сидит девчонка на заборе</i>	53
Уляна Горяна. <i>На хвилі верлібру</i>	55
Анатолій Курганський. <i>Стежки і дороги</i>	59
Елена Надутенко. <i>Листая дней прошедших череду...</i>	65
Сергій Шпудейко. <i>Щоб поділитись дивом з вами...</i>	71

ПРОЗА

Анатолій Юрченко. <i>Тихая охота</i>	77
Давид Данилов-Абросимов. <i>Мининовеллы</i>	85
Світлана Тимко. <i>Доля заробітчанина</i>	89

ДРАМАТУРГІЯ

Кеннет Краусс (<i>перевод Павла Босого</i>). <i>Прочь из ниоткуда</i>	97
Анатолій Юрченко. <i>Комета без расписания</i>	115

САТИРА. ГУМОР

Анатолій Курганський. <i>Сатирички</i>	133
Валерій Корнієць. <i>Гумор мимоволі</i>	136
Дмитро Танський. <i>Іронічна поезія</i>	140
Анатолій Юрченко. <i>Канкан на рубеже эпох</i>	142

Відомості про авторів	157

ЛІТЕРАТУРНЕ ВИДАННЯ

ЛІТЕРАТУРНА КІРОВОГРАДЩИНА

АЛЬМАНАХ

(українською та російською мовами)

**Редакційна колегія: О. Надутенко, Д. Танський,
А. Юрченко**

Редакційна колегія може не поділяти судження авторів

При редагуванні максимально збережено авторські
лексика, орфографія, пунктуація та орфоепія

Редактор: С.М. Янчуков
Верстка: В.В. Сорокін
Обкладинка: В.В. Сорокін

Зверстано та надруковано в ТОВ «Центрально-Українське видавництво»
Україна, 25006, м. Кропивницький, вул. Тараса Карпи, 69.
Тел.: (0522) 24-25-96, 24-48-51.

Свідоцтво про внесення суб'єкта видавничої справи до Державного реєстру
видавців, виготівників і розповсюджувачів видавничої продукції
від 15.12.2011 р., серія ДК №4234

Підписано до друку 17.09.2016. Формат 60x84 1/16
Папір газетний. Гарнітура Academy.
Друк ризографічний. Ум. друк. арк. 9,3
Наклад 200 примірників. Замовлення 254